

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
д-р филос. наук, доц.
_____ А. Ю. Ивлева
_____ 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА ПРИ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА**

Автор бакалаврской работы _____ 2020 А. И. Молчанова

Обозначение бакалаврской работы БР–02069964–45.03.02–18–20

Направление 45.03.02 Лингвистика

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц. _____ 2020 С. В. Чертоусова

Нормоконтролер

канд. филол. наук, доц. _____ 2020 Н. В. Захарова

Саранск
2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков

Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филос. наук, доц.

_____ А. Ю. Ивлева

29 декабря 2019 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ

(в форме бакалаврской работы)

Студент Молчанова Анна Игоревна

1 Тема Особенности реализации гендерного фактора при художественном переводе с русского языка

Утверждена приказом №10120-с от 27.12.2019 г.

2 Срок представления работы к защите _____

3 Исходные данные для научного исследования: толковые словари, научные публикации на русском, немецком и английском языках, учебники отечественных авторов по теории переводоведения, роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на немецкий и английский языки

4 Содержание бакалаврской работы

4.1 Гендерный аспект в современном переводоведении

4.2 Способы перевода гендерного компонента в художественном тексте

Руководитель работы

27.12.2019 С. В. Чертоусова

Задание принял к исполнению

27.12.2019 А. И. Молчанова

РЕФЕРАТ

Бакалаврская работа содержит 76 страниц, 57 источников и 5 источников-примеров.

ПЕРЕВОД, ГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ, ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ, ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ, АНДРОЦЕНТРИЗМ.

Объектом исследования являются гендерно маркированные единицы в русском, немецком и английском языках.

Предметом исследования являются способы передачи гендерно маркированных единиц в процессе перевода художественных произведений с русского языка на немецкий и английский языки.

Цель работы заключается в выявлении способов передачи гендерного фактора в переводе художественных текстов на базе сопоставительного анализа романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и его переводов С. М. Гайер „Verbrechen und Strafe“ и Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“ на немецкий язык, а также переводов Р. Пивера и Л. Г. Волохонской “Crime and punishment” и Н. Пастернака-Слейтера “Crime and punishment” на английский язык с учетом лингвокультурного фактора.

В качестве методов исследования были использованы сопоставительный анализ текста оригинала и различных версий текстов перевода, метод семантического анализа гендерно маркированных единиц.

Практическим материалом исследования послужили роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, его переводы на немецкий язык С. М. Гайер „Verbrechen und Strafe“ и Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“, а также переводы на английский язык Р. Пивера и Л. Г. Волохонской “Crime and punishment” и Н. Пастернака-Слейтера “Crime and punishment”.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Гендерный аспект в современном переводоведении	9
1.1 Исследования гендерного аспекта в зарубежном переводоведении	9
1.2 Гендерный аспект в отечественном переводоведении	13
1.3 Понятие гендерно маркированных единиц в современном переводоведении	18
2 Способы перевода гендерного компонента в художественном тексте	24
2.1 Общая характеристика переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки	24
2.2 Передача слов с гендерным компонентом	29
2.3 Передача гендерных стилистических особенностей в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	41
2.4 Гендерные обращения в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и способы их перевода на немецкий и английский языки	57
2.5 Передача гендерной лексики с маскулинной или феминной окраской	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	71
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ	76

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время гендерные исследования в области языкознания, в том числе и анализ гендерного аспекта в переводческой деятельности обращают на себя внимание все большего круга исследователей. В связи с этим появилось новое научное направление в лингвистике – лингвистическая гендерология или гендерная лингвистика.

В широком смысле гендерная лингвистика занимается исследованием двух групп вопросов:

1) явление гендера в языке: влияние гендера на синтаксис, лексикон, категорию рода того или иного языка;

2) речевое и в целом коммуникативное поведение представителей мужского и женского пола. В данной группе вопросов широко рассматривается то, при помощи каких лингвистических средств и в каких контекстах создается гендер и каким образом на это влияют коммуникативная среда и социальные факторы.

Объектом нашего исследования стала первая группа вопросов. Без сомнения, различным языкам и культурам присущи те или иные характерные особенности гендерного концепта. Причины и условия расхождения этих особенностей, а также их последствия в межкультурной коммуникации представляют определенный интерес у ученых. Актуальность данного направления, а, следовательно, и гендерного аспекта в переводе состоит в изучении роли индивидуальных характеристик человека, которые связаны с полом, при анализе языковой личности. Исследования гендерных несоответствий на материале художественного текста предоставляют возможность изучить реализацию явления гендера с другой точки зрения – как параметр, который является структурообразующей частью художественного произведения и его перевода на иностранный язык, что и составляет **актуальность** настоящей бакалаврской работы.

Объектом исследования являются гендерно маркированные единицы в русском, немецком и английском языках.

Предметом исследования стали способы передачи гендерно маркированных единиц в процессе перевода художественных произведений с русского языка на немецкий и английский языки.

Цель работы заключается в выявлении способов передачи гендерного фактора в переводе художественных текстов на базе сопоставительного анализа романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и его переводов на немецкий язык С. М. Гайер „Verbrechen und Strafe“ и Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“, а также переводов на английский язык Р. Пивера и Л. Г. Волохонской “Crime and punishment” и Н. Пастернака-Слейтера “Crime and punishment” с учетом лингвокультурного фактора.

В данном исследовании перед нами стоят следующие **задачи**:

- 1) определить и классифицировать способы проявления гендерных характеристик лексем в русском, немецком и английском языках;
- 2) провести анализ основных переводческих трансформаций при передаче гендерного компонента исходного текста в тексте перевода;
- 3) провести сравнительный анализ переводов романа «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки, а именно, способов и полноты передачи в них гендерного компонента.

Материалом для данного исследования стали роман русского классика Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», его переводы на немецкий язык литературных переводчиков С. М. Гайер „Verbrechen und Strafe“ и Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“, а также переводы на английский язык Р. Пивера и Л. Г. Волохонской “Crime and punishment” и Н. Пастернака-Слейтера “Crime and punishment” .

Теоретической основой исследования стали научные работы отечественных и зарубежных ученых в области гендерных исследований (И. В. Денисова, В. Р. Бородицкая, Е. И. Горошко, Е. С. Гриценко, Н. В. Дутова, А. В. Кирилина, Е. А. Редкозубова, Т. С. Есенова, О. В. Занковец, Е. С. Зиновьева, М. Гимбутас, В. фон Гумбольдт, Р. Лакофф, Л. Пуш, С. Тремель-Плетц).

В ходе исследования нами были использованы следующие **методы**:

сопоставительный анализ текста оригинала и различных версий текстов перевода, метод семантического анализа гендерно маркированных единиц.

Новизна исследования заключается в том, что в нем сопоставляются различные типы гендерно маркированных единиц в русском, немецком и английском языках, присутствующих в романе Ф. М. Достоевского и в его переводах. Также рассматриваются способы адекватной передачи таких гендерно маркированных единиц произведения великого русского классика, как лексики с гендерным компонентом, гендерных обращений и такие виды стилистически окрашенной лексики, как архаизмы, разговорные слова, просторечия. В исследовании затрагиваются относительно молодая отрасль языкознания гендерология и соотносящиеся с ней понятия.

Теоретическая значимость бакалаврской работы состоит в систематизации исследований отечественных и зарубежных лингвистов в области гендерной лингвистики и переводоведения. Кроме того, проведен сопоставительный анализ гендерно маркированных единиц в русском, немецком и английском языках.

Практическая ценность исследования заключается в выявлении ряда переводческих трансформаций в процессе перевода художественных текстов с русского на немецкий и английский языки, позволяющих достичь адекватности перевода исходному тексту как в аспекте передачи гендерных особенностей оригинала, так и с учетом сохранения его содержания и стилистической окраски.

Структура. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и списка источников-примеров. Во введении определяется актуальность темы, цель работы и новизна исследования, ставится ряд задач. В первой главе дается обзор исследований гендерного фактора как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении. Отдельный раздел посвящается гендерно маркированным единицам и их классификации в современном переводоведении. Вторая глава посвящена собственно сопоставительному анализу гендерно маркированных единиц в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и их передаче на немецкий и

английский языки с опорой на существующие в переводоведении классификации переводческих трансформаций. В заключении подводятся итоги проделанной работы и дается обобщение полученных результатов. Список использованных источников, а также источников-примеров включает 62 наименования.

Результаты исследования отражены в докладах на конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва в 2019 году (по результатам конференции опубликована статья «Гендерно маркированные единицы в немецком языке»), на конференции «Огарёвские чтения» в 2018 и 2019 гг. (по результатам конференций опубликованы статьи «Гендерно маркированные обращения в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и способы их перевода на немецкий язык» и «Передача лексики с гендерным компонентом в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки»), а также в статье «Передача гендерных стилистических особенностей в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык».

1 Гендерный аспект в современном переводоведении

Данная глава посвящена рассмотрению теоретических вопросов, связанных с понятием гендера в современной лингвистике и переводоведении. Для выбора наиболее адекватной стратегии изучения практического материала приводится обзор существующих исследований гендерного аспекта в зарубежной и отечественной науке. Особое внимание уделяется ключевому понятию для анализа передачи гендерного компонента художественного текста в переводе – гендерно маркированным единицам в русском, немецком и английском языках.

1.1 Исследование гендерного аспекта в зарубежном переводоведении

Выражение гендерного аспекта в языке впервые привлекло внимание лингвистов в странах Западной Европы и позднее стало предметом исследования переводоведения. Первые системные описания женских и мужских особенностей речи и языка были сделаны на основе языков из германской и романской языковых групп [11, с. 1].

Психолог Роберт Столлер и эндокринолог Джон Мони ввели различие между двумя терминами “sex” и “gender”. «Sex» (пол) является обозначением биологического пола, в то время как «gender» (гендер) – социокультурной конструкцией. «Sex» (пол) является стартовой позицией, с ним человек рождается, в то время как «gender» (гендер) – это своеобразный итог социализации человека в обществе в соответствии с его половой принадлежностью» [12, с. 13].

За рубежом гендерные исследования стали бурно развиваться в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия из-за так называемого «Нового женского движения» в Германии и США, после чего возникло своеобразное направление в языкознании, которое было названо феминистской лингвистикой, или феминистской критикой языка. Феминистская лингвистика или критика языка,

которая и по сегодняшний день продолжает существовать, предшествовала гендерной. Наиболее существенными трудами по феминистской критике языка стали исследование Робин Лакофф «Язык и место женщины» [51] в английском языке и монографий Луизы Пуш «Немецкий — язык мужчин» [54] и Сенты Тремель-Плетц «Женский язык — язык перемен» [56], которые были написаны на основе немецкого языка. Эти работы дали обоснование андроцентризму в языке и ущербности образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке.

Под андроцентризмом понимается культурная традиция, в которой общечеловеческая субъективность сводится к единой мужской норме, в то время как женская субъективность является отклонением от нормы. Это означает, что мужские нормативные представления и жизненные модели выдаются за всеобщие социальные нормы. В противовес данной точке зрения существует еще одна модель, которая получила название гиноцентризма. В рамках данного представления на мир женщина, а также женские представления и жизненные модели ставятся в центр собственного мироздания.

Гиноцентризм существовал на протяжении всей истории человечества, еще в ранних культурах божества женского пола оказывались главными в иерархии, издавна поднималась проблема матери и ребенка [7]. Культуры, в которых доминируют мужчины, появились значительно позже, однако быстро получили огромное влияние по всему миру [25].

Хотя феминистская лингвистика и стоит как бы особняком от остальных направлений гендерных исследований в языкознании ввиду своего выделяющегося междисциплинарного характера, но все же находится на перекрестке гендерных исследований языка, являясь при этом его неотъемлемым продолжением.

Ввиду воздействия феминизма значительное место в идеологии постмодернизма отводится вопросам пола. Так, к примеру, по мнению французского философа и теоретика литературы Ж. Дерриды взгляд на мир и

система ценностей формируются с позиции «европейских белых мужчин». Согласно его идее, в сознании современного человека независимо от его половой принадлежности присутствуют идеи и ценности мужской идеологии с приоритетом мужского начала, логики и объектности женщины [14, с. 124-128].

Немецкий лингвист В. фон Гумбольдт одним из первых отметил влияние национального содержания языка на мышление человека. Он высказывал мнение, что язык и мышление неразрывно связаны друг с другом. Ученый отмечал, что существует то общее, что объединяет между собой языки: язык формирует мысль, личность, а также ее систему понятий [13].

Закономерности, которые были выявлены феминистской лингвистикой, подтверждают наличие в языковой системе так называемой «антиженской» асимметрии, что объясняется с позиций гипотезы лингвистической относительности, которая предполагает, что структура языка влияет на мировосприятие его носителей, а также на их когнитивные процессы. Таким образом, язык – это не только результат развития общества, но также средство, формирующее его мышление и ментальность. У гипотезы лингвистической относительности или гипотезы Сепира-Уорфа есть две формулировки: строгая и мягкая. *«Строгая формулировка:* язык определяет мышление, и, соответственно, лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные категории. *Мягкая формулировка:* совместно с лингвистическими категориями мышление формирует влияние традиций и некоторые виды неязыкового поведения» [8].

У гипотезы Сепира-Уорфа имеются как сторонники, так и противники. На основе этой концепции феминистская критика языка дает обоснование требованию реформирования языка с целью преодоления заключенной в нем гендерной асимметрии, считая, что в силу своего андроцентризма язык навязывает его носителям картину мира, в которой женщинам отводится подчиненная роль.

Такого же мнения придерживается и американский психолингвист,

специалист по когнитивной науке, соавтор теории лингвистической относительности, Валерия Романовна Бородицкая. Благодаря её исследованиям ученые по-новому взглянули на вопрос о том, влияет ли на наше мышление язык, носителями которого мы являемся. Она приводит наглядные примеры кросс-языковых различий в восприятии и мышлении, которые происходят из-за синтаксических или лексических различий между языками.

Что касается гендерного аспекта в языке, то исследования В. Р. Бородицкой показали, что «в иврите род обозначается множеством способов, на иврите обозначение пола чрезвычайно распространено (даже слово «ты» различается в зависимости от него), а в финском языке, напротив, категория рода вообще отсутствует. Исследования подтверждают, что мышление человека и в этом следует за языком: дети, говорящие на иврите, узнают про свою половую принадлежность на год раньше, чем те, кто говорит на финском. В английском же языке количество гендерно маркированных единиц – примерно среднее между вышеупомянутыми языками. И вот наглядное подтверждение связи: англоговорящие дети «определяются с полом» позже, чем носители иврита, но раньше, чем носители финского» [5]. Все вышеупомянутые вопросы находят свое отражение и в процессе перевода. Так, к примеру, переводчик должен учитывать особенности лексико-грамматического выражения гендерного фактора при переводе с иврита на финский или с финского языка на английский.

В современной англоязычной литературе также существует переводческая стратегия, получившая название “womanhandling”, под которой понимается намеренная модификация переводчиком женского пола маскулинности, характерная для текста оригинала, и ее трансформация в феминность. Данной переводческой стратегии противопоставляется стратегия под названием “manhandling”, которая предполагает трансформацию феминности текста оригинала в маскулинность [49].

Таким образом, начало гендерным исследованиям положили именно

западные ученые. Феминистская критика языка, возникшая в Германии и США, послужила основой для исследований в гендерной сфере не только на материале языков романо-германской группы, но и переводов с русского языка, что составило практический материал настоящего исследования.

1.2 Гендерный аспект в отечественном переводоведении

На постоянной основе гендерные исследования в России стали проводиться в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, а затем стали развиваться более бурными темпами. В этот период проблема гендера становится все более актуальной, она исследуется с точки зрения различных наук, таких как лингвистика, психология, социология и др., что подчеркивает её междисциплинарный характер. В последнее время ученые проявляют огромный интерес к изучению гендерного аспекта в переводоведении, что оказало большое влияние на возникновение новой отрасли языкознания – лингвистической гендерологии или гендерной лингвистики. Она занимается исследованием, с одной стороны, стереотипов феминности и маскулинности, которые зафиксированы в языке, а также гендерных асимметрий, а с другой стороны, отличительных черт речевого поведения мужчин и женщин [24, с. 19].

Существует смежное с понятием «гендера» понятие «пола». Такие ученые, как Н. И. Абубикирова, Е. И. Горошко, Е. А. Картушина, А. В. Кирилина, Т. А. Клименкова, О. В. Рябов, И. И. Халеева задавались вопросом о соотношении этих понятий [37, с. 18].

Свое развитие гендерный аспект получил и в литературе, и в настоящее время гендерные отличительные черты произведения могут составлять особенно важный элемент в структуре текста ввиду того, что они предоставляют возможность определять средства лингвистического отражения в языке категории пола и социокультурных элементов, которые с ним связаны.

В первый раз в отечественной лингвистике советский и российский лингвист А. В. Кирилина в своей монографии «Гендер: лингвистические

аспекты» попыталась системно описать гендерно значимые вопросы языкознания. В своей работе она определила перспективу развития, установила задачи гендерной лингвистики, первостепенной из которых является исследование речевого поведения женщин и мужчин, «где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации – то есть специфика мужского и женского говорения» [23, с. 7].

В своем труде А. В. Кирилина более детально и подробно анализирует проблемы гендерной лингвистики и затем выделяет шесть основных направлений в лингвистической гендерологии, а именно: «социолингвистические гендерные исследования; феминистская лингвистика; собственно гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов; исследования маскулинности; психолингвистические исследования, в рамках которых проводятся работы в области нейролингвистики, изучения онтогенеза речи; кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включающие в себя гипотезу гендерных субкультур» [11].

Вместе с тем А. В. Кирилина считает данную классификацию весьма условной. Она придерживается мнения, что все вышеупомянутые направления имеют много схожего, а именно общую тематику и объект исследования.

Поэтому в более поздних исследованиях Е. А. Картушина выделяет всего три направления современной лингвистической гендерологии:

1) «Социолингвистические гендерные исследования, которые направлены на выявление жанрового своеобразия, тематики мужского и женского коммуникативного поведения.

2) Психолингвистические гендерные исследования, которые определяют совокупность ассоциаций, связанных с «мужественностью» или «женственностью» в коллективном сознании.

3) Лингвокультурологические гендерные исследования, нацеленные на изучение конструируемых в языке представлений, связанных с мужчинами и

женщинами» [22, с. 23].

М. Д. Городникова изучает гендерный аспект в лингвистике на материале обращений. В своих исследованиях она приходит к заключению, что гендерный фактор в обращениях часто исключается, нарушается соотношение естественного пола и грамматического рода [10].

Ценными также являются и труды ученых, которые пытаются выявить психологический механизм образования гендерных стереотипов в языковом сознании. Исследователи обнаруживают целый ряд отличительных черт гендерных метафор «женственности» и «мужественности». Так, среди них можно выделить такие возможности, как их применение по отношению к объектам и женского, и мужского пола, которые не связаны непосредственно с самим полом [52, с. 19].

Исследователи указывают на отличительные черты гендерного стереотипа в национальном сознании. Так, к примеру, по мнению А. В. Кирилиной женственность и мужественность являются исторически изменчивыми концептами. Стереотип женственности в русском языке определяется четче, чем стереотип мужественности, в большей мере фиксируются не биологические, а личностные характеристики. В русском языке установлен сниженный андроцентризм, который сводит общечеловеческую субъективность к единой мужской норме. Так, к примеру, в русских пословицах «четко прописывается более низкий по сравнению с мужчиной общественный статус женщины и отображается гендерный стереотип о главенстве мужчины: «Курица не птица, а баба не человек», «Кобыла не лошадь, баба не человек» [17, с. 88].

Согласно Л. В. Балакиной, некоторые ученые, в частности психологи, «указывают на то, что женщины в большей степени ориентированы на прошлое, в то время как мужчины устремлены в будущее» [4]. Это можно отчетливо увидеть на примере употребления грамматической категории времени: мужчины чаще используют глаголы в будущем времени, в то время

как женщины предпочитают употреблять глаголы в прошедшем времени. Также, в отличие от мужчин, женщины чаще используют длинные предложения в художественных текстах [4].

Однако проводя анализ гендерных исследований на современном отечественном лингвистическом пространстве, важно отметить, что фокус исследований в отечественной лингвистике сейчас смещен к количественной или вариационной социо- и психолингвистике. В настоящее время исследования в рамках первого направления представляют определенный интерес, а именно изучение лексики, паремиологии с целью выявления гендерных асимметрий и изучение уровня андроцентризма в различных языках и культурах [13, с. 10; 55, с. 14]. Единственное направление, которое практически не представлено в отечественной лингвистике – это исследования по проблемам маскулинности.

Наконец, обозначим основные тенденции гендерных исследований в отечественном переводоведении. Ряд исследователей занимается изучением гендерного аспекта в переводе, проводя сопоставительный анализ переводов одного и того же текста женщинами и мужчинами. Так, к примеру, О. В. Занковец при сопоставлении «женских» и «мужских» переводов делает вывод, что переводы женщин более образны и эмоциональны, в то время как переводы мужчин отличаются большей логичностью, употреблением сниженной лексики и терминов [19, с. 12]. О. А. Радчук отмечает, что женщины-переводчики зачастую консервативны в употреблении лексики, однако они в большей степени стремятся сохранить языковые особенности оригинала. Мужчины-переводчики же используют больше личных местоимений, а также прилагательные в положительной степени, что не присуще женщинам-переводчицам, которые зачастую прибегают к использованию прилагательных в сравнительной степени [36].

О. Б. Мойсова выделяет среди лексических особенностей «женских» переводов такие как использование возвышенной лексики, употребление

эвфемизмов. Для переводов представительниц женского пола в большей степени характерна образность речи при описании чувств героев. Также переводчикам женского пола присуще более частотное употребление приблизительных значений вместо точной номинации [30].

Ю. С. Куликова отмечает, что «мужским» переводам художественных текстов присуща излишняя маскулинность для героинь произведений, краткость и деловитость. В свою очередь, многим «женским» переводам присуща феминность, образность речи и размытость понятий [28].

Тем не менее, стоит отметить, что если на начальных этапах гендерных исследований гендерный фактор считался основным, определяющим языковую личность и влияющим на выбор тех или иных языковых средств, то в современной лингвистике его изучение носит более взвешенный характер [16, с. 123]. С нашей точки зрения, нельзя однозначно говорить о том, что существуют «женские» и «мужские» переводы, так как для достижения адекватного перевода переводчики пользуются одними и теми же средствами и приемами перевода.

Показательным является и то, что общая теория перевода не рассматривает гендерный фактор как важный элемент в процессе перевода. Различия в переводах могут определяться как возрастом, так и социальным статусом, уровнем образованности или теми или иными личностными характеристиками переводчика. Многие исследователи признают гендер «плавающим» параметром. Они рассматривают его в качестве фактора, который проявляется с неодинаковой частотой, вплоть до полного его исчезновения. Тем не менее, преуменьшение значимости данного фактора в процессе перевода может иметь действительно неблагоприятные последствия вплоть до отторжения текста перевода культурой языка перевода.

В настоящей работе при анализе переводов романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского на немецкий и английский языки нами не учитывались личность переводчика и его половая принадлежность. Более

объективным приемом характеристики полноты отражения гендерного фактора в переводах романа представляется выявление и сопоставление гендерно маркированных единиц, о которых подробно пойдет речь в следующем разделе.

1.3 Понятие гендерно маркированных единиц в современном переводе

Гендерный подход к анализу языковых единиц в настоящее время получает все большее признание среди лингвистов. Гендерная лингвистика рассматривает проблемы, связанные с описанием социальных, культурных оценок, приписываемых мужчинам и женщинам. Одной из основных задач гендерной лингвистики является выявление таксономии, т.е. классификации и систематизации языковых единиц, наиболее значимых в плане выражения гендерных различий. Другими словами, в подобных исследованиях важно установить, как гендер получает отражение в номинативной системе языка и в тексте, а, следовательно, и в процессе перевода.

В общем смысле гендерная маркированность языка – это комплекс признаков, которые позволяют идентифицировать языковую единицу как относящуюся к определенному полу. Наиболее представительной группой гендерно маркированных языковых единиц является антропонимы, которые выражены именами собственными и характеризуются гендерной отнесенностью, например, Виктор, Вера.

Гендерно маркированные единицы присущи также и художественным текстам. Как известно, художественный перевод представляет собой «вид переводческой деятельности, главная функция которой заключается в передаче произведения на переводящий язык таким образом, чтобы на читателя было оказано необходимое художественно-эстетическое воздействие. Именно по этой причине для художественного перевода характерны отклонения от максимально возможной смысловой точности, при которых обеспечивается большая художественность текста перевода» [27].

И. С. Алексеева подчеркивает, что художественный перевод требует наличия у переводчика «гигантского объема фоновой эрудиции, дополнительных знаний и выполнения сложнейшего сплетения переводческих задач» [2, с. 8]. В связи с этим переводчику, в особенности в процессе художественного перевода, необходима адекватная передача гендерно маркированных единиц с языка оригинала на язык перевода.

Среди гендерно маркированных единиц можно выделить такие понятия, как феминитивы и маскулинитивы. Под маскулинитивами понимаются «названия лиц мужского пола, для которых характерно то, что они могут употребляться, в большинстве случаев, в отношении всех людей независимо от их пола: летчик, писатель» [45]. В немецком языке они выражаются с помощью суффиксов „-or“, „-er“, „-mann“ и др. (der Lektor, der Mechaniker, der Feuermann). В английском языке – с помощью суффиксов “-er“, “-or“, “-man” (writer, actor, landman).

Феминитивами называют «слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола: летчик – летчица, писатель – писательница» [45]. Феминитивы часто используют для борьбы с дискриминацией по гендерному признаку. В немецком языке издавна существует суффикс „-in“, который указывает на принадлежность понятия к женскому полу (der Direktor – die Direktorin). В английском языке кроме феминитивов, например, “policewoman“, “actress”, которые образованы с помощью суффиксов “-woman“ и “-ess“, в настоящее время существует нейтральный лексикон. Так, например, проявление гендера в слове “fireman“ заменено нейтральным альтернативным вариантом “firefighter”, то же явление мы можем наблюдать в замене слова “salesman“ на “salesperson”.

Достаточно полную классификацию гендерно маркированной лексики на примере немецкого языка предлагает И. В. Денисова. К ней она относит:

- 1) «местоимения, которые конструируют гендер в языке вообще, не неся

на себе гендерной маркировки» [15, с. 20] (например, замена части речи, к примеру, имени собственного „Frau Schneider“ на личное местоимение „sie“ – в немецком языке, “Mr. Smith” заменяется личным местоимением “he” – в английском языке). Как в парах русского и немецкого, русского и английского, так и в большинстве других современных языков присутствуют полные эквиваленты указанных выше лексических единиц, поэтому при переводе они не представляют особой трудности;

2) «лексику, имеющую маскулинную или феминную окраску. В данном случае проявления гендера связаны с гендерной стереотипизацией, а именно с сознательным смещением гендерных стереотипов, таких как внешнее описание, психологические качества, манеры поведения или социальное положение» [15, с. 20]. В качестве примера на основе немецкого языка можно привести отрывок из пособия Кельнского университета, целью которого является обучение сотрудников университета и студентов нормам правильного с точки зрения гендера языка. В нем приводится небольшая история, которую один профессор рассказал своим студентам: „Ein Vater fuhr mit seinem Sohn im Auto. Sie verunglückten. Der Vater starb an der Unfallstelle. Der Sohn wurde schwer verletzt ins Krankenhaus eingeliefert und musste operiert werden. Ein Arzt eilte in den OP, trat an den Operationstisch heran, auf dem der Junge lag, wurde kreidebleich und sagte: „Ich bin nicht im Stande zu operieren. Dies ist mein Sohn“ [48, с. 3] / «Отец и сын ехали на машине и попали в аварию. Отец погиб на месте происшествия. Сына доставили в ближайшую больницу. Все было готово к операции, но реакция хирурга при виде ребенка была неожиданной. «Я не могу его оперировать – это мой сын!» [43, с. 23–24] При прочтении данного отрывка реципиент может сделать вывод, что погибший отец – это ненастоящий отец мальчика, а врач – биологический отец ребенка. В немецком варианте данного рассказа была использована лексема „Chirurg“, а не „Chirurgin“. Однако в немецком языке лексема „Chirurg“ традиционно ассоциируется с мужчиной. Ранее, до проведения гендерной реформы немецкого языка («Директивы по

предотвращению сексистского употребления языка» – нем. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs), лексему „Chirurg“ относили как к женщине, так и к мужчине, однако в настоящее время подразумевать представительницу женского пола под словом „Chirurg“ было бы нарушением закона в Германии (нем. das Landesgleichstellungsgesetz). Вследствие вышеупомянутой гендерной реформы появился суффикс „-in“, который является показателем женского рода существительного в немецком языке („der Student“ – „die Studentin“). При передаче подобной лексики на русский язык переводчик может либо выбрать лексему из пары существительных мужского и женского рода («студент» – «студентка»), либо использовать существительное общего рода: „die/der Studierende“ в переводе на русский язык будет звучать как «студент», при этом включая лиц как женского, так и мужского пола.

В английском же языке данный вид гендерно маркированной лексики можно рассмотреть на примере фразеологических единиц. Например, фразеологическое выражение “be one of the boys” (русс. – «свой человек») изначально применялось по отношению к мужскому полу, на это нам указывает употребление слова “boys”, однако в настоящее время данная идиома может использоваться также по отношению к представительнице женского пола, к примеру, если она дружит с группой мужчин [20].

3) слова и словосочетания, имеющие в своем составе единицы с «гендерным компонентом», указывающим на пол референта. В определении гендерной принадлежности человека в немецком языке часто помогают вышеупомянутые гендерно-специфические окончания, а также суффиксы (например, „der Dolmetscher/die Dolmetscherin“). Но в то же время в русском языке морфологическое выражение женского пола в названиях профессий или должностей является неосуществимым в официально-деловом стиле. Поэтому перевод вышеприведенного примера «переводчик» будет включать лиц как женского, так и мужского пола» [15, с. 9–10].

В английском языке также существуют примеры слов и словосочетаний с

«гендерным компонентом», например, “actor”/”actress”. Перевод предложений с данными словами, например, “I have seen this actor before”, “Julia Roberts is the best actress ever!” не представляет трудности, поскольку словообразующие суффиксы “-or” и “-ess” указывают на принадлежность данных существительных к мужскому и женскому роду соответственно.

Другой исследователь в гендерной сфере И. В. Зыкова выявляет следующие виды гендерно маркированных единиц: антропометрические лексемы, основным значением которых является признак пола, например, в немецком языке: *der Junge* – мальчик, в английском языке: *girl* – девочка; термины родства, например, в немецком языке: *der Vater* – отец, в английском языке: *daughter* – дочь; антропонимические лексемы, т.е. имена собственные, например, в немецком языке: *Ulrich*, в английском языке: *Amanda*; агентивные существительные, «служащие для номинации людей по профессиональному признаку или для обозначения категории «деятели» со значением «непрофессиональной деятельности», например, в немецком языке: *der Professor*, в английском языке: *businesswoman* [21, с. 30-33].

В ходе своего исследования мы будем придерживаться классификации И. В. Денисовой, поскольку находим данную классификацию наиболее полной и подробно раскрывающей сущность гендерно маркированных единиц в том или ином языке.

Исследование гендерно маркированных лексических единиц позволяет расширить представление об уровне, направлениях и результатах их влияния на словарный состав того или иного языка. Поэтому переводчику необходимо внимательно относиться к гендерной специфике текста. Для переводчика в процессе перевода важно соблюдать конвенциональные нормы перевода гендерно маркированных единиц с исходного языка на язык перевода.

Таким образом, обзор теоретических работ, посвященных гендерному аспекту в современной лингвистике и переводоведении, показал высокую степень научной разработанности данной области исследования в трудах

зарубежных и отечественных лингвистов. Бесспорен тот факт, что современному переводчику необходимо учитывать факт существования гендерно маркированной лексики и иметь представление о языковых средствах ее выражения. В настоящее время учет гендерного аспекта представляет особую важность для адекватного перевода всех типов текстов, в особенности художественного текста в силу более частотного употребления в нем гендерно маркированной лексики. В практической части нашей бакалаврской работы мы подробно рассмотрим средства, отражающие гендерный компонент в немецком и английском языках, а также определим способы перевода различных типов гендерно маркированных единиц с русского на немецкий и английский языки на основе переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

2 Способы перевода гендерного компонента в художественном тексте

В данной главе бакалаврской работы рассматриваются способы перевода различных видов гендерно маркированных единиц, присутствующих в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», на немецкий и английский языки, а именно слов с гендерным компонентом, гендерных обращений, маскулинной или феминной лексики, а также гендерных стилистических особенностей, характерных для произведения русского классика. Дается оценка степени полноты передачи гендерного аспекта в примерах вышеназванной гендерно маркированной лексики. Также приводится общая характеристика переводов романа на немецкий и английский языки.

2.1 Общая характеристика переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» по праву считается одним из лучших произведений мировой литературы. Писатель работал над романом с 1865 по 1866 год. Темой произведения являются нравственные и психологические переживания человека, совершившего убийство. В литературоведении он определяется как роман-трагедия [26, с. 1], в основе которого лежат различные этические и социальные проблемы.

Произведение было переведено на немецкий язык двадцать три раза многими отечественными и зарубежными переводчиками, например, В. Е. Генкелем, Г. Мозером, Е. К. Разиным (псевдоним Э. Керрик), М. Феофановым, Г. Рёлем, Р. Хоффманном, С. М. Гайер. На английский язык роман был переведен 13 раз как отечественными, так и зарубежными переводчиками, в числе которых Ф. Уишоу, К. Гарнетт, чей перевод считался лучшим на протяжении 80 лет до выхода в свет перевода Д. МакДаффа в 1991 году и перевода Р. Пивера и Л. Г. Волохонской в 1992 году. Также произведение «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского было переведено на

английский язык такими переводчиками, как Д. Магаршак, княжна А. Кропоткина, Д. Коулсон, М. Скаммелл, С. Монас, Ю. Катцер, О. Реди, Н. Пастернак-Слейтер и М. Р. Катц.

Возникает вопрос: почему же существует такое множество переводов данного произведения на немецкий и английский языки? Возможно, причиной этому является то, что с течением времени меняется не только язык перевода, во всех его аспектах, но также и переводческие приемы и стратегии. Первый перевод «Преступления и наказания» на немецкий язык (переводчик – Вильгельм Генкель) датируется 1882 годом, а последний – 1994 годом (С. М. Гайер). Впервые на английский язык данное произведение было переведено Фредериком Уишоу в 1885 году, последний же перевод романа датируется 2017 годом (переводчик – М. Р. Катц). При этом каждый переводчик определяет для себя доминанту: что он непременно сохранит в переводе, а что может опустить.

Стоит отметить, что в процессе перевода особого стилистического характера написания произведения на немецкий и английский языки возникают определенные трудности как у зарубежных, так и у отечественных переводчиков. Поэтому одной из задач бакалаврской работы является сравнительный анализ переводов романа «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки, а именно, способов и полноты передачи в них гендерного компонента.

Гендерный фактор проявляется в романе «Преступление и наказание» фрагментарно в основном вследствие избыточных стилистически окрашенных лексических единиц в тексте, сохранение которых необходимо при адекватном переводе особого стиля написания Ф. М. Достоевского. Передаче гендерной лексики с учетом стилистики рассматриваемых языков посвящен раздел 2.3 данной работы.

В нашем исследовании мы рассматриваем четыре варианта перевода данного произведения: переводы литературного переводчика украинского происхождения Светланы Михайловны Гайер и австрийского литературного

переводчика, писателя Рихарда Хоффманна на немецкий язык, а также переводы племянника всемирно известного русского писателя Бориса Пастернака Николая Пастернака-Слейтера и переводческого дуэта – американского и русского литературных переводчиков Ричарда Пивера и Ларисы Гиршевы Волохонской. Далее кратко охарактеризуем деятельность каждого из них и особенности переводов анализируемого романа.

Светлану Михайловну Гайер (1923-2010) в Германии называют ангелом-хранителем русской литературы и даже «королевой переводов» [34]. За свою жизнь она перевела произведения многих отечественных классиков: Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, А. И. Солженицына. В последние годы жизни С. М. Гайер стала интересоваться творчеством Ф. М. Достоевского и впоследствии перевела почти все его произведения. Перевод «Преступления и наказания», который считается последним датированным переводом произведения (1994), стал одним из самых известных ее трудов, популярность которого отмечает и сама переводчик: «Я очень удивлена большому спросу на Достоевского сейчас. Например, продажа нового перевода приближается к 100 тысячам, это фантастика» [34]. Перевод стал настоящей сенсацией, впоследствии С. М. Гайер получила за него престижные награды: Егги-Премиию и Премиию Рейнхарда Шнайдера города Фрайбурга в 1995 году [31].

Исследователи подчеркивают, что именно данный перевод романа является «наиболее точным с точки зрения передачи стилистических особенностей исходного текста, наиболее близким к оригиналу и индивидуальному стилю автора. Переводчику удалось сохранить особые психологические приемы Ф. М. Достоевского и показать всю глубину русского характера» [9].

Сама С. М. Гайер отмечает следующие неточности в переводах «Преступления и наказания» ее предшественниками: «В качестве существенных просчетов моих предшественников-переводчиков и издателей я считаю необязательность, и к ней даже привыкли, особо любимым занятием

стало – вычеркивать повторы у великого автора. Так, например, у Достоевского имеется слово, которое он охотно и часто употребляет – это слово «вдруг». Известно, что у Достоевского было мало денег, он вечно сидел без свечей и без еды. Зачастую думают, у него были не самые благоприятные условия для работы. Нужно помочь этому человеку. И когда Достоевский всякий раз настойчиво пишет «вдруг», то переводчики сокращали и вычеркивали «вдруг» во избежание повторов» [31].

Рихард Хоффманн (1892–1961) переводил главным образом английскую художественную литературу, но также среди его трудов переводы русских, итальянских, французских и испанских авторов, например, А. Д. Кронина, П. С. Бака, В. П. Катаева, Л. М. Леонова, А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

Его перевод «Преступления и наказания» под названием „Schuld und Sühne“ вышел в свет в 1960 году. Стоит отметить, что перевод Р. Хоффманна не отличается такой точностью, как перевод С. М. Гайер. Возможно, причина кроется в трудностях понимания стилистически окрашенных слов, которые изобилуют в произведении великого русского писателя, ввиду австрийского происхождения переводчика.

Первоначально стоит отметить на наш взгляд самое важное расхождение в переводах С. М. Гайер и Р. Хоффманна – расхождение в переводе названия произведения.

До выхода в свет перевода С. М. Гайер «Преступление и наказание» зачастую передавалось другими переводчиками на немецкий язык как „Schuld und Sühne“ (дословно «Вина и покаяние»), что сама С. М. Гайер называет ужасающей небрежностью: «В старых переводах Достоевский звучал морализаторски-протестантски, отнюдь не юридически трезво. А ведь у Достоевского речь идет о четкой юридической взаимосвязи и вовсе не о морализаторском решении в отношении совершенного уголовного преступления. В слово «искупление» вложен смысл «избавление», «спасение», а ведь в тексте романа Достоевского не об этом говорится. Немецкие

переводчики хватались за заглавие, которое стало модным и вводило их в заблуждение» [31]. В ее варианте перевода отражается задумка самого писателя: „Verbrechen und Strafe“ – «Преступление и наказание».

Супруги Ричард Пивер и Лариса Гиршевна Волохонская перевели большое количество произведений русских классиков, таких как Л. Н. Толстой, Б. Л. Пастернак, А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский. Р. Пивер родился и вырос в США, а Л. Г. Волохонская – в Ленинграде, а затем переехала в Америку.

Существует мнение, что именно переводы Р. Пивера и Л. Г. Волохонской отличаются точностью передачи особенностей оригинала. Мы полагаем, что именно поэтому их перевод «Преступления и наказания» после выхода в 1992 году стал одним из самых популярных, хотя на протяжении более 80 лет перевод британской переводчицы Констанс Гарнетт “Crime and punishment” (1914) считался эталоном.

Николай Пастернак-Слейтер – переводчик русского происхождения, который, однако, родился и вырос в Англии. Племянник всемирно известного русского писателя Бориса Пастернака, он переводит также русских классиков, среди которых его дядя Б. Л. Пастернак, М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский.

Сам Н. Пастернак-Слейтер, отвечая на вопрос, почему он решил перевести роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», отмечает, что, зная в совершенстве и русский, и английский языки, он всегда стремился перенести и сохранить все стилистические и лексические особенности текста оригинала на язык перевода так, чтобы читатель не почувствовал этого. Данное произведение действительно заинтересовало переводчика: «Одна вещь, которая заинтересовала меня в романе – помимо странных персонажей и пронзительного пробуждения в главном герое чувство вины после содеянного – это яркие описания города и того, как жили бедные люди. Когда десять или двенадцать лет назад мы с женой побывали в Петербурге и совершили нечто вроде паломничества по местам преступления и наказания, посещая места,

которые, как говорят, вдохновили Достоевского, мы прошли мимо толпы обездоленных людей, пытавшихся продать все, что у них было, от использованных шнурков до пластиковых пакетов. Это было печальное и пугающее зрелище; Достоевский слишком хорошо знал эту часть своего города» [57].

Н. Пастернак-Слейтер также отмечает трудности, с которыми он столкнулся в процессе перевода данного романа: «Когда Достоевский использует откровенно низкие или крестьянские выражения, перевод становится еще труднее. Некоторые переводчики прибегали к сленгу кокни, чтобы передать простонародный русский язык, и это иногда срывает, хотя и может быть неправильным. Региональный провинциальный английский вызывает еще больше трудностей, и я думаю, что его лучше избегать» [57].

Из изложенного выше следует, что к роману великого русского писателя Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» неоднократно обращались переводчики разных стран. Переводы данного произведения могут значительно отличаться, что представляет несомненный интерес для теории перевода.

На сегодняшний день отсутствуют теоретические работы, раскрывающие гендерную составляющую в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Рассмотрению этого неисследованного вопроса посвящена данная бакалаврская работа, что и составляет ее научную новизну.

2.2 Передача слов с гендерным компонентом

Как указывалось в теоретической части исследования, гендерный компонент может проявляться на различных уровнях. Представляется логичным начать рассмотрение гендерного компонента в переводах романа «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки с морфологического уровня, проявляющегося через категорию рода [15, с. 9].

Существенным при сравнительном анализе переводов нам кажется тот

факт, что в русском языке эксплицитное проявление гендера имен существительных прослеживается не только по их значению, но и по их окончаниям (как правило, это нулевое окончание для мужского рода и окончания «-а»/«-я» для женского рода), в то время как в английском языке род имен существительных выражается через их значение, а также через суффиксы мужского или женского рода, поскольку в английском языке у имен существительных отсутствуют падежные окончания и есть только окончания множественного числа. В немецком языке гендерный признак имен существительных проявляется не только через их значение и суффиксы мужского и женского рода, но также через артикли *der/ein, die/eine, das/ein*, соответствующие мужскому, женскому и среднему роду, и их окончания. Однако стоит помнить, что в переводе помимо передачи гендерной составляющей с помощью гендерно маркированных единиц необходимо также вносить ясность в текст.

В русском языке гендерная принадлежность существительного может выражаться посредством окончания женского рода «-а» в слове «хозяйка»: «Он благополучно избегнул встречи с своею *хозяйкой* на лестнице» [58, с. 37].

В немецком языке в следующем примере в роли гендерного компонента выступает словообразующий суффикс „-in“, также указывающий на принадлежность к женскому полу. При переводе данного предложения С. М. Гайер прибегла к переводческому приему простой лексической подстановки, т. е. переводу единственно возможным эквивалентом в языке перевода [29, с. 98], а Р. Хоффман – к приему сложной подстановки с дифференциацией значения, который предполагает выбор лексического соответствия в языке перевода за пределами словарной статьи [29, с. 100]. Оба варианта перевода являются адекватными, поскольку потери информации не происходит:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Он благополучно	„Es gelang ihm, eine	„Glücklich vermied er auf

избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице» [58, с. 37].	Begegnung mit seiner Wirtin auf der Treppe zu vermeiden“ [61, с. 2].	der Treppe eine Begegnung mit seiner Hauswirtin“ [62, с. 7].
---	--	--

В переводах данного предложения на английский язык мы видим, что на принадлежность к женскому роду здесь указывает одна из основ слова “-lady”, формирующая составное существительное “landlady”. При переводе использован прием простой альтернативной подстановки, т. е. выбор одного из возможных лексических соответствий в языке перевода [29, с. 98], их перевод также является адекватным:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице» [58, с. 37].	“He had safely avoided meeting his <i>landlady</i> on the stairs” [60, с. 7].	“He managed to avoid meeting his <i>landlady</i> on the stairs” [59, с. 39].

При переводе на немецкий язык слов «вдовица» и «вдовец», образованных в русском языке суффиксально-флективным способом при помощи окончания женского рода «-а» и словообразующего суффикса «-иц» [1] и нулевого окончания, указывающего на мужской род слова, гендерный аспект выражается через словообразующие суффиксы „-e“ и „-er“, при этом оба переводчика используют переводческий прием простой лексической подстановки и переводы следует признать адекватными:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота» [58, с. 43].	„Bei bösen und alten Witwen pflegt es so rein zu sein“ [61, с. 6].	„Eine derartige Sauberkeit findet man oft bei bösen alten Witwen“ [62, с. 13].
«И тогда-то, милостивый государь,	„Und dann bot ich ihr, sehr geehrter Herr, der ich	„Und da, mein lieber Herr, griff ich ein; ich war

тогда я, тоже <i>вдовец</i> , и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание» [58, с. 54].	auch ein <i>Witwer</i> war und eine vierzehnjährige Tochter von meiner ersten Frau hatte, meine Hand an, da ich solche Qual nicht mit ansehen konnte“ [61, с. 16].	gleichfalls <i>Witwer</i> , mit einer vierzehnjährigen Tochter aus erster Ehe“ [62, с. 24].
--	--	---

В английских же вариантах перевода данного произведения мы можем заметить, что словообразующий суффикс “-er”, указывающий на принадлежность к мужскому роду, появляется только в существительном мужского рода «вдовец». Здесь переводчики также прибегли к переводческому приему простой лексической подстановки, сохраняя при этом адекватность перевода:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Это у злых и старых <i>вдовиц</i> бывает такая чистота» [58, с. 43].	“It's wicked old <i>widows</i> who keep everything so clean” [60, с. 10].	“It's cruel old <i>widows</i> who keep everything this clean” [59, с. 42].
«И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже <i>вдовец</i> ...» [58, с. 54].	“And it was then, my dear sir, it was then that I, being a <i>widower</i> myself ...” [60, с. 15]	“And then it was, my dear sir, then it was, that I, a <i>widower</i> myself...” [59, с. 49]

В представленном ниже примере перевода существительного «хозяин», образованного в русском языке с помощью нулевого окончания, указывающего на мужской род данного слова, также наблюдается выражение гендерного компонента посредством словообразующего суффикса „-er“. На принадлежность к мужскому роду в немецком языке указывает и определенный артикль мужского рода „der“. И С. М. Гайер, и Р. Хоффманн прибегли в данном случае к переводческому приему простой альтернативной подстановки, оба

варианта перевода полностью передают гендерный компонент:

<p>Оригинал «Хозяин заведения был в другой комнате...» [58, с. 47]</p>	<p>Перевод С. М. Гайер „<i>Der Besitzer des Lokals befand sich in einem anderen Zimmer...</i>“ [61, с. 10]</p>	<p>Перевод Р. Хоффманна „<i>Der Besitzer des Lokals hielt sich in einem zweiten Raum auf...</i>“ [62, с. 17]</p>
--	--	--

В английском же языке определенный артикль указывает не на принадлежность к какому-либо роду, а на категорию определенности. В переводе Р. Пивера и Л. Волохонской мы видим, что принадлежность существительного к мужскому роду выражена через словообразующий суффикс “-or”, при этом оба варианта перевода являются адекватными, т. к. слово “proprietor” имеет одно из значений «владелец земли или зданий» [46], а существительное “landlord”, в котором принадлежность к мужскому роду отражена через одну из основ слова “-lord”, обозначает владельца паба или бара [46]. Таким образом, переводчики выбрали разные лексические соответствия в языке перевода, сохранив при этом, однако, и основное значение лексической единицы, и ее гендерный компонент. В обоих вариантах перевода был применен переводческий прием простой альтернативной подстановки:

<p>Оригинал «Хозяин заведения был в другой комнате...» [58, с. 47]</p>	<p>Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской “<i>The proprietor of the establishment was in another room...</i>” [60, с. 12]</p>	<p>Перевод Н. Пастернака-Слейтера “<i>The landlord was in another room...</i>” [59, с. 45]</p>
--	---	--

Также стоит упомянуть, что у вышеперечисленных маскулинитивов “proprietor” и “landlord” есть формы женского рода, а именно существительные “proprietress” и “landlady”. Слово “proprietress”, образованное с помощью словообразующего суффикса, указывающего на женский род “-ess”, является на данный момент устаревшим в английском языке [46] и практически не

используется в повседневной речи в связи с произошедшими изменениями в языке. Существительное же “landlady”, напротив, используется в английском языке и по сей день [46]. Именно поэтому в переводе Н. Пастернака-Слейтера гендерный компонент выражен более ярко, из-за чего в тексте перевода не возникает двусмысленности.

Следующий пример перевода существительного «ювелир», нулевое окончание которого указывает на принадлежность к мужскому роду, демонстрирует, что в некоторых случаях переводчикам не нужно прибегать к тем или иным переводческим трансформациям, чтобы отразить гендерный аспект, т. к. существует полный эквивалент этого существительного и в немецком (der Juwelier), и в английском языке (jeweler / jeweller). В переводах и на немецкий, и на английский языки был использован переводческий прием простой лексической подстановки. Таким образом, в следующем примере и в немецком, и в английском вариантах перевод является адекватным:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«За колечко вам прошлый раз два билетка внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно» [58, с. 43].	„Für den Ring habe ich Ihnen das letzte Mal zwei Rubelscheine gegeben, aber man kann einen solchen bei einem <i>Juwelier</i> für anderthalb Rubel kaufen“ [61, с. 7].	„Für den Ring neulich habe ich Ihnen zwei Scheine gegeben, und wenn man so etwas neu beim <i>Juwelier</i> kauft, kriegt man es schon für anderthalb“ [62, с. 13].

Причем в переводах на английский язык мы можем заметить разное написание одного и того же слова: “jeweler” – американское написание, поскольку Р. Пивер является американцем по происхождению; “jeweller” – британское написание, так как Н. Пастернак-Слейтер является наполовину британцем по происхождению [46]:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л.	Перевод Н. Пастернака-
----------	------------------------	------------------------

	Волохонской	Слейтера
«За колечко вам прошлый раз два билетика внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за полтора рубля можно» [58, с. 43].	“Last time I gave you two roubles for your ring, and you could buy one new from a <i>jeweler</i> for a rouble and a half” [60, с. 10].	“Last time I gave you two little rouble notes for your ring, but if you wanted to buy it new from a <i>jeweller</i> you could have got it for one and a half” [59, с. 42].

На примере перевода на немецкий язык существительных «купец» и «городовой», в которых нулевое окончание и окончание «-ой» соответственно указывают на принадлежность к мужскому роду, прослеживается еще один способ отражения гендерного аспекта посредством полусуффикса „-mann“, который указывает на принадлежность лексической единицы к мужскому роду. В случае перевода слова «купец» оба переводчика использовали переводческий прием простой лексической подстановки, а при переводе слова «городовой» – прием простой альтернативной подстановки, при этом оба варианта перевода можно признать адекватными. При этом особый интерес представляет перевод на немецкий язык лексемы «городовой», которая для современного читателя является архаизмом и обозначавшая в царской России «низший чин городской полиции» [33, с. 141], обоими переводчиками также устаревшим существительным „der Schutzmann“. Так называли полицейских в Германии до 1945 года [47], поэтому в данном примере можно наблюдать сохранение как гендерного компонента, так и стилистической окраски:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я занимала, как ты и сам	„Die fünfzehn Rubel, die ich Dir vor vier Monaten schickte, habe ich, wie Du selbst weißt, von unserem	„Die fünfzehn Rubel, die ich Dir vor vier Monaten geschickt habe, borgte ich mir, wie Du ja selber

знаешь, в счет этого же пенсиона, у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина» [58, с. 72].	<i>Kaufmann</i> Wasilij Iwanowitsch Wachruschin auf meine Pension hin geliehen“ [61, с. 31].	weiß, auf diese Pension von dem hiesigen <i>Kaufmann</i> Wasilij Iwanowitsch Wachruschin“ [62, с. 42].
«Но в эту минуту кто-то крепко схватил его сзади, между ними стал <i>городовой</i> » [58, с. 94].	„Doch in diesem Augenblick packte ihn jemand fest von hinten, und zwischen ihnen erschien ein <i>Schutzmann</i> “ [61, с. 47].	„Doch im gleichen Augenblick packte ihn jemand fest von hinten – zwischen die beiden trat ein <i>Schutzmann</i> “ [62, с. 64].

Стоит отметить, что гендерный аспект в переводах на английский язык существительного «купец» ни у Р. Пивера и Л. Волохонской, ни у Н. Пастернака-Слейтера не отражен, поскольку в английском языке существует полный эквивалент лексемы – “merchant”, что свидетельствует об использовании в обоих случаях переводческого приема простой лексической подстановки. Тем не менее, оба варианта перевода являются адекватными, поскольку на принадлежность данного слова к мужскому роду указывает мужское имя “Afanasy Ivanovich Vakhrushin”. Архаизм «городовой» переведен в обоих случаях стилистически нейтральным существительным “policeman”, а гендерный аспект здесь выражен с помощью словообразующего суффикса мужского рода “-man”. В данном примере мы также наблюдаем применение простой лексической подстановки:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака- Слейтера
«Пятнадцать рублей, которые я послала тебе четыре месяца назад, я	“The fifteen roubles I sent you four months ago I borrowed, as you know	“As you know, the fifteen roubles I sent you four months ago were

занимала, как ты и сам знаешь, в счет этого же пенсионера, у здешнего нашего купца Афанасия Ивановича Вахрушина» [58, с. 72].	yourself, on the security of that same pension, from our local <i>merchant</i> , Afanasy Ivanovich Vakhrushin” [60, с. 23].	borrowed from our local <i>merchant</i> Afanasi Ivanovich Vakhrushin, on the security of that same pension” [59, с. 59].
«Но в эту минуту кто-то крепко схватил его сзади, между ними стал <i>городовой</i> » [58, с. 94].	“But at that moment someone seized him firmly from behind; a <i>policeman</i> stepped between them” [60, с. 32].	“But at this point someone seized him firmly from behind, and a <i>policeman</i> stood between them” [59, с. 71].

В случае перевода существительного «приятель», на принадлежность к мужскому роду которого указывает нулевое окончание, гендерный аспект выражается только у Р. Хоффманна. В переводе С. М. Гайер он остается невыраженным, однако, оба варианта перевода признаются адекватными, т. к. на гендер указывает относящееся к слову „Freund“ личное местоимение мужского рода „er“. С. М. Гайер при переводе данного слова прибегла к переводческой трансформации, называемой экспликацией, т. е. описательному переводу. В свою очередь Р. Хоффманн использовал в своем варианте перевода прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Он добрый человек и был еще <i>приятелем</i> твоего отца» [58, с. 72].	„Er ist ein guter <i>Mensch</i> und <i>war</i> einst mit Deinem Vater <i>befreundet</i> “ [61, с. 31].	„Er ist ein guter <i>Mensch</i> und <i>war</i> noch ein <i>Freund</i> Deines Vaters“ [62, с. 42].

В переводах данного предложения на английский язык обращает на себя внимание тот факт, что и Р. Пивер с Л. Волохонской, и Н. Пастернак-Слейтер

перевели его практически одинаково, при этом на гендерную принадлежность к мужскому полу нам указывает личное местоимение “he”, а не само существительное “friend”. Оба варианта перевода являются адекватными, причем в обоих случаях очевидно использование приема простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Он добрый человек и был еще <i>приятелем</i> твоего отца» [58, с. 72].	“He is a kind man and used to be your father's <i>friend</i> ” [60, с. 23].	“He’s a kind man who used to be your father’s <i>friend</i> ” [59, с. 59].

Также в данном случае мы можем увидеть как в немецких, так и в английских вариантах перевода произведения пример андроцентризма, характеристику которому мы дали в теоретической части бакалаврской работы. Немецкое существительное „der Mensch“ и английское существительное “man” может переводиться на русский язык как «человек» и как «мужчина», что сводит понятие «человек» в немецком и английском языках к единой мужской норме.

В следующем примере перевода существительных «наездники» и «наездницы», которые в единственном числе образованы в русском языке при помощи нулевого окончания, указывающего на мужской род, и суффиксально-флективного способа с помощью окончания женского рода «-а» и суффикса «-ниц», наблюдается выражение гендерного аспекта посредством словообразующих суффиксов мужского рода „-er“ и женского рода „-in“ в переводе Р. Хоффманна, однако С. М. Гайер приводит другой эквивалент существительного «наездницы» в немецком языке, а именно „die Amazonen“. Данный переводческий прием можно обозначить как логическую синонимию, предполагающий «замену единицы исходного языка единицей языка перевода, являющейся для данного контекста её синонимом» [39].

Традиционно существительное „Amazonen“ обозначает женщину-жокея.

Данный термин появился в 1920-х гг., когда в скачках стали принимать участие женщины. В послевоенное время до 1974 года проводились даже отдельные чемпионаты мира и Европы, где принимали участие только женщины-жокеи. Данное существительное имеет французское происхождение. Кроме того, можно заметить, что в приведенном ниже предложении присутствует слово „Equipagen“, которое также является заимствованием из французского языка [47]. Таким образом, С. М. Гайер использовала в своем переводе именно существительное „Amazonen“, следуя стратегии исторической стилизации, т. е. «подражания стилю речи, типичному для какой-либо эпохи или социальной среды» [38]. Учитывая тот факт, что лексема „Amazone“ отличается большей частотностью использования в немецком языке на протяжении всего XX века, чем феминитив „Reiterin“, выбранный С. М. Гайер способ перевода представляется вполне оправданным. Р. Хоффманн в свою очередь использовал в своем варианте перевода прием простой лексической подстановки. В обоих случаях перевод можно квалифицировать как адекватный, сохраняющий и содержание, и стиль оригинала:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Встречались ему тоже пышные коляски, наездники и наездницы...» [58, с. 102]	„Er begegnete auch prunkvollen Equipagen, Reitern und Amazonen...“ [61, с. 54]	„Es kamen ihm auch luxuriöse Wagen entgegen, Reiter und Reiterinnen...“ [62, с. 71]

В переводах данного предложения на английский язык мы можем заметить, что Р. Пивер и Л. Волохонская и Н. Пастернак-Слейтер прибегли к переводческому приему логической синонимии, при этом гендерный аспект выражен в обоих вариантах перевода. Однако перевод Р. Пивер и Л. Волохонской оказался точнее, поскольку словосочетание “ladies and gentlemen” традиционно используется ораторами для обращения к аудитории [46]:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Встречались ему тоже пышные коляски, наездники и наездницы...» [58, с. 102]	“He also met with luxurious carriages, <i>men and women</i> on horseback...” [60, с. 35]	“And he passed luxurious carriages, and <i>ladies and gentlemen</i> on horseback...” [59, с. 76]

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что гендерные компоненты, характерные для русского языка и являющиеся показателями мужского или женского рода, не вызывают трудностей при переводе на немецкий и английский языки: нулевому окончанию, окончанию «-ой», относящимся к мужскому роду, а также окончанию женского рода «-а» полностью соответствуют немецкие словообразующие суффиксы „-er“, „-in“, „-e“, „-mann“ и английские словообразовательные суффиксы “-er”, “-or”, “-man”, а также основы сложных слов “-lady”, “-lord”.

В вышеприведенных переводах на немецкий и английский языки переводчики прибегли к таким переводческим приемам, как простая лексическая подстановка, простая альтернативная подстановка, сложная подстановка с дифференциацией значения, экспликация и логическая синонимия. Причем приемы простой лексической подстановки и простой альтернативной подстановки отличаются большей частотностью, поскольку для большинства слов в русском языке существуют одно или несколько (в пределах словарной статьи) лексических соответствий в немецком и английском языках. На основе вышеназванных примеров можно сделать вывод, что к более сложным переводческим трансформациям переводчики прибегают для более точной передачи смысла высказываний или значения того или иного слова.

2.3 Передача гендерных стилистических особенностей в переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Для определения понятия «гендерная лексика» в стилистике отметим, что неотъемлемым элементом стилистики являются стилистически окрашенные слова, которые представлены следующими компонентами:

1) функционально-целевая стилистическая окраска, которая включает в себя разговорные, книжные и нейтральные лексические единицы (разговорные – русск. «парень», нем. „der Kerl“, англ. “guу”; книжные – русск. «председатель», нем. „der Vorsitzende“, англ. “chairman”; нейтральные – русск. «женщина», нем. „die Frau“, англ. “woman”);

2) экспрессивно-оценочная стилистическая окраска, которая включает в себя сниженную, возвышенную и нейтральную лексику [44] (сниженные – русск. «идиот», нем. „der Blödhammel“, англ. “idiot”; возвышенные – русск. «соратник», нем. „der Mitstreiter“, англ. “brother-in-arms”; нейтральные – русск. «домохозяйка», нем. „die Hausfrau“, англ. “housewife”).

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» изобилует богатством деталей, живописностью, для выражения которых он прибегает к использованию разнообразных стилистически окрашенных слов, например, к разговорной лексике. Так, в следующем примере перевода существительного «кредиторша», образованного в русском языке суффиксально-флективным способом с помощью окончания женского рода «-а» и суффикса «-ш», гендерный аспект в немецких вариантах перевода выражен посредством словообразующего суффикса женского рода „-in“, однако стилистика при этом не сохранена. Существительное «кредиторша» помечается в толковом словаре как разговорное [33, с. 311] в отличие от немецкого существительного „die Gläubigerin“ [47], являющегося общеупотребительным. В данных переводах обоими переводчиками использован прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Впрочем, на этот раз страх встречи с своею <i>кредиторшей</i> даже его самого поразил по выходе на улицу» [58, с. 38].	„Diesmal mußte er übrigens selbst, als er schon auf der Straße war, über seine Angst vor einer Begegnung mit seiner <i>Gläubigerin</i> staunen“ [61, с. 3].	„Übrigens machte diesmal, als er auf die Straße trat, die Furcht vor einer Begegnung mit seiner <i>Gläubigerin</i> sogar ihn selbst stutzig“ [62, с. 8].

В английском варианте перевода Р. Пивера и Л. Волохонской гендерный аспект не выражен, поскольку существительное «кредиторша» переведено с помощью суффикса “-or”, с помощью которого образуются существительные в целом без указания на род. Несмотря на то, что Н. Пастернак-Слейтер в своем переводе также использовал слово “creditor”, гендерный компонент здесь выражен, поскольку переводчик дополнительно ввел уточняемое существительное женского рода “landlady”, о котором уже было упомянуто выше. Тем не менее, стилистическая окраска в данных переводах не сохранена, поскольку существительное “creditor” в английском языке также является общеупотребительным [46]. В обоих вариантах перевода переводчики использовали переводческий прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Впрочем, на этот раз страх встречи с своею <i>кредиторшей</i> даже его самого поразил по выходе на улицу» [58, с. 38].	“This time, however, as he walked out to the street, even he was struck by his fear of meeting his <i>creditor</i> ” [60, с. 8].	“On this occasion, in fact, his terror of meeting his <i>landlady and creditor</i> surprised even himself, once he was out in the street” [59, с. 39].

В следующем примере перевода на немецкий язык словосочетаний «из деревенских баб» и «болтливая баба» мы видим, что гендерный компонент не

отражен ни у одного из переводчиков. Более того, ни в одном варианте перевода не сохранена стилистика простонародного слова «баба» [33, с. 31] – и С. М. Гайер, и Р. Хоффманн опустили его, однако потери смысла не произошло, поэтому данные переводы признаются адекватными. Оба переводчика применили в данном случае экспликацию:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Когда щи были принесены и он принялся за них, Настасья уселась подле него на софе и стала болтать. Она была из деревенских баб и очень болтливая баба» [58, с. 70].	„Als die Kohlsuppe vor ihm stand und er sie zu löffeln begann, setzte sich Nastasja neben ihn aufs Sofa und fing zu schwatzen an. Sie stammte vom Lande und war sehr geschwätzig“ [61, с. 29].	„Als sie die Kohlsuppe gebracht hatte und er zu essen begann, setzte sich Nastasja neben ihn auf den Diwan und begann zu plaudern; sie war vom Lande und schwatzte sehr gern“ [62, с. 40].

В вариантах перевода данных словосочетаний на английский язык видно, что простонародное существительное «баба» переведено и у Р. Пивера и Л. Волохонской, и у Н. Пастернака-Слейтера в первом случае с помощью приема логической синонимии словом “woman”, гендерный компонент при этом выражен собственно значением данного слова. Во втором случае в обоих вариантах перевода по причине использования неопределенно-личного местоимения “one” гендерный аспект не выражен, однако узнается по контексту. Адекватность перевода сохраняется:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Когда щи были принесены и он принялся за них,	“Once the soup was brought and he had begun on it, Nastasya sat down	“When the soup had arrived and he had begun drinking it, Nastasia sat

Настасья уселась подле него на софе и стала болтать. Она была из деревенских баб и очень болтливая баба» [58, с. 70].	beside him on the sofa and started chattering. She was a <i>village woman</i> , and a very <i>chatterer</i> ” [60, с. 22].	down beside him on the sofa and started chatting to him. She was a <i>peasant woman from the country</i> , and a very <i>garrulous one</i> ” [59, с. 58].
---	--	---

При переводе на немецкий язык разговорного существительного с пренебрежительной окраской «оборванец», обозначающего «человека в изорванной, изношенной одежде» [33, с. 445], на мужской род здесь указывает нулевое окончание. Оба переводчика используют переводческий прием замены на морфологическом уровне и заменяют данное существительное на прилагательное «оборванный». С. М. Гайер переводит данное словосочетание как „der zerlumpte Kerl“, что дословно переводится на русский язык как «оборванный парень», а Р. Хоффманн – как „der zerlumpte Störenfried“, что на русский язык можно дословно перевести как «оборванный нарушитель спокойствия». Гендерный компонент сохранен в обоих случаях посредством указания определенного артикля „der“ и существительных, обозначающих представителя мужского пола „Kerl“ и „Störenfried“. При этом стилистическая окраска текста также остается выраженной у обоих переводчиков, поскольку существительное „der Lumpen“, от которого и было образовано прилагательное „zerlumpt“, имеет также пренебрежительную окраску [47]. В обоих вариантах перевода был использован прием экспликации:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо	„Er warf ihm boshafte Blicke zu, bemühte sich übrigens, daß er es nicht merke, und wartete ungeduldig, daß <i>der</i>	„Der Fremde warf ihm böse Blicke zu, gab sich aber im übrigen Mühe, daß der andere diese Blicke nicht bemerke, und

ожидал своей очереди, когда досадный <i>оборванец</i> уйдет» [58, с. 93].	zerlumppte <i>Kerl</i> weggehe, damit er an die Reihe komme“ [61, с. 47].	wartete ungeduldig darauf, daß <i>der</i> ärgerliche, zerlumppte <i>Störenfried</i> wegginge und die Reihe an ihn selber käme“ [62, с. 63].
--	---	--

В вариантах перевода на английский язык разговорное существительное «оборванец» передано устаревшей разговорной лексемой “ragamuffin”, которая чаще всего обозначает грязного неопрятного ребенка в порванной одежде [46]. Поскольку в оригинале произведения говорится о мужчине, следовательно, происходит потеря смысла, однако стилистика слова сохранена. Гендерный компонент остается невыраженным в обоих вариантах перевода, однако он узнается из контекста через личное местоимение “him” и имя собственное “Raskolnikov”. И Р. Пивер и Л. Волохонская, и Н. Пастернак-Слейтер использовали здесь переводческий прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный <i>оборванец</i> уйдет» [58, с. 93].	“The man kept glancing at him angrily, trying at the same time to keep him from noticing it, and was waiting impatiently for his turn, when the vexatious <i>ragamuffin</i> would leave” [60, с. 32].	“He was looking malevolently at Raskolnikov, while trying not to show it, and impatiently awaiting his turn once this annoying <i>ragamuffin</i> took himself off” [59, с. 70].

Простонародное устаревшее слово «процентщица» [41], в котором на принадлежность к женскому роду указывает окончание «-а» и

словообразующий суффикс «-щиц», в следующем примере передано у обоих переводчиков с помощью эквивалента в немецком языке „Wucherin“, который однако в современном немецком языке придает отрывку текста пренебрежительную окраску [47] и не передает стилистику данного существительного, с сохранением гендерной составляющей посредством словообразующего суффикса „-in“. В обоих вариантах перевода был использован переводческий прием простой лексической подстановки:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, как все звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы...» [58, с. 111]	„Diese Bekannte war Lisaweta Iwanowna, oder kurzweg Lisaweta, wie sie von allen genannt wurde, eine jüngere Schwester der alten Aljona Iwanowna, der Kollegienregistratorswitwe und <i>Wucherin</i> ...“ [61, с. 61]	„Diese Bekannte war Lisaweta Iwanowna oder, wie alle sie nannten, einfach Lisaweta, die jüngere Schwester jener alten Aljona Iwanowna, der Kollegienregistratorswitwe und <i>Wucherin</i> ...“ [62, с. 81]

И Р. Пивер и Л. Волохонская, и Н. Пастернак-Слейтер перевели на английский язык существительное «процентщица» посредством переводческого приема простой альтернативной подстановки с помощью вариантов одного и того же слова “money-lender”/“moneylender” [46], сохранив содержание, но пожертвовав при этом стилистической окраской данного простонародного устаревшего существительного. Гендерный компонент в самом слове не сохранен, он угадывается по имени собственному “Alyona Ivanovna”/ “Aliona Ivanovna”

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера

«Знакомая эта была Лизавета Ивановна, или просто, как все звали ее, Лизавета, младшая сестра той самой старухи Алены Ивановны, коллежской регистраторши и процентщицы...» [58, с. 111]	“This woman was Lizaveta Ivanovna, or simply Lizaveta, as everyone called her, the younger sister of that same old woman, Alyona Ivanovna, widow of a collegiate registrar, the money-lender...” [60, с. 40]	“This friend was Lizaveta Ivanovna, or simply Lizaveta as everyone called her, the younger sister of that same old Aliona Ivanovna, Collegiate Registrar’s widow and moneylender...” [59, с. 81]
--	--	--

Ф. М. Достоевский зачастую использует в своем произведении устаревшую для современного читателя лексику. Например, архаизм «барышня», образованный в русском языке с помощью окончания женского рода «-я», обозначающий девушку из барской семьи или вообще из интеллигентной среды [33, с. 35], передан у обоих переводчиков не совсем точно. С. М. Гайер переводит данное слово как „die junge Mädchen“ (русск. «молодые девушки»). В переводе же Р. Хоффманна использовано существительное „die Damen“. При смысловой неточности гендерный компонент, однако, остается выраженным в обоих вариантах перевода через существительные „Mädchen“ и „Damen“, обозначающие лиц женского пола. Оба переводчика использовали переводческий прием генерализации, т. е. замены слова, имеющего более узкое значение, словом с более широким значением [32]:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«...стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших	„...mehreren Stühlen an den Wänden und zwei oder drei billigen gelbgerahmten Bildern,	„...Stühlen an den Wänden und zwei oder drei billigen Bildern in gelben Rahmen, die

немецких <i>барышень</i> с птицами в руках, — вот и вся мебель» [58, с. 43].	<i>die deutsche junge Mädchen</i> mit Vögeln in den Händen darstellten“ [61, с. 6].	<i>deutsche Damen</i> mit Vögeln in den Händen darstellten“ [62, с. 12].
--	---	--

В переводах на английский язык Р. Пивера и Л. Волохонской и Н. Пастернака-Слейтера архаизм «барышня» также передано неточно: в первом варианте перевода как “*damsel*” – молодая незамужняя девушка [46], во втором варианте перевода как “*lady*” – вежливая женщина, которая хорошо относится к другим людям [46]. Гендерная составляющая выражена в обоих случаях через вышеназванные существительные, относящиеся к женскому полу. В обоих вариантах перевода был использован переводческий прием генерализации.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«...стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких <i>барышень</i> с птицами в руках, — вот и вся мебель» [58, с. 43].	“...chairs against the walls, and two or three halfpenny prints in yellow frames portraying German <i>damsels</i> with birds in their hands—that was all the furniture there was. In the corner, an oil lamp was burning in front of a small icon” [60, с. 10].	“...chairs stood by the walls stood by the walls, and there were two or three minuscule pictures in yellowing frames depicting young German <i>ladies</i> with birds in their hands” [59, с. 42].

Перевод архаизма от «девушки» – «девица», образованного в русском языке суффиксально-флективным способом при помощи окончания женского рода «-а» и суффикса «-иц», передан у С. М. Гайер посредством переводческого приема экспликации как „*junges Mädchen*“, что является более точным переводом, чем перевод Р. Хоффманна с помощью простой лексической подстановки – „*Mädchen*“. Гендерный аспект также выражен в обоих случаях

через существительные, обозначающие представительниц женского пола, однако стилистическая окраска здесь отражена не в полной мере:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«...много ли может, по-вашему, бедная, но честная <i>девица</i> честным трудом заработать?» [58, с. 56]	„...wieviel kann nach Ihrer Meinung ein armes, doch ehrliches <i>junges Mädchen</i> durch ehrliche Arbeit verdienen?“ [61, с. 17]	„...kann denn nach Ihrer Ansicht ein armes, aber ehrliches <i>Mädchen</i> mit ehrlicher Arbeit viel verdienen?“ [62, с. 25]

Н. Пастернак-Слейтер оказался ближе к оригиналу произведения в своем переводе архаизма «девица» на английский язык: в его варианте перевода данное слово передано с помощью экспликации как “young girl”, в то время как в переводе Р. Пивера и Л. Волохонской оно переведено посредством простой альтернативной подстановки как “girl”. Гендерный компонент выражен в обоих случаях через существительное “girl”, обозначающее представительницу женского пола, однако, стилистическая окраска оригинала и переводов также не полностью совпадают:

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«...много ли может, по-вашему, бедная, но честная <i>девица</i> честным трудом заработать?» [58, с. 56]	“...how much, in your opinion, can a poor but honest <i>girl</i> earn by honest labor?..” [60, с. 15]	“Can a poor but honest <i>young girl</i> , in your opinion, earn much by honest labour?” [59, с. 49]

Перевод архаизма «наложница» в значении «любовница», образованного в русском языке суффиксально-флективным способом с помощью окончания женского рода «-а» и словообразующего суффикса «-ниц», является адекватным как у С. М. Гайер („die Mätresse“ [47]), так и у Р. Хоффманна („die Konkubine“ [47]), однако, стилистика указанного выше архаизма выражена

только во втором варианте перевода. Стоит также отметить, что в обоих вариантах перевода лексемы имеют пренебрежительный характер, которого нет в оригинале. Гендерный аспект выражен посредством использования существительных, обозначающих представительницу женского пола, и употребления определенного артикля „die“ в обоих случаях. Р. Хоффманн использовал в своем переводе прием простой лексической подстановки, а С. М. Гайер – логическую синонимию. Стоит отметить, что у данного слова есть также устаревшая мужская форма „der Kurtisan“ [47].

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«...и тогда не согласится стать законною <i>наложницей</i> господина Лужина!» [58, с. 88]	„...auch dann würde sie niemals darauf eingehen, <i>die legitime Mätresse</i> des Herrn Luschin zu sein!“ [61, с. 43]	„...auch dann würde sie nicht einwilligen, <i>die gesetzmäßige Konkubine</i> des Herrn Luschin zu werden!“ [62, с. 58]

И Р. Пивер и Л. Волохонская, и Н. Пастернак-Слейтер перевели данный архаизм одним и тем же эквивалентом “concupine”. Стилистическая окраска текста здесь остается выраженной, поскольку в толковых словарях английского языка лексема признается архаизмом, вышедшим из употребления [53]. Гендерный компонент в обоих случаях выражен посредством употребления существительного, обозначающего представительницу женского пола. Переводчики применили в своих переводах простую альтернативную подстановку.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«...и тогда не согласится стать законною <i>наложницей</i> господина Лужина!»	“...she still would not consent to become Mr. Luzhin's lawful <i>concupine!</i> ” [60, с. 30]	“...even then she'd never consent to become Mister Luzhin's legal <i>concupine!</i> ” [59, с. 68]

Гендерный аспект также может выражаться посредством употребления определенного артикля, например, артикля „der“ при переводе архаизма «сновидец», в котором на мужской род указывает нулевое окончание. При этом стилистическая окраска текстов оригинала и перевода не будет совпадать. И С. М. Гайер, и Р. Хоффманн использовали в своих переводах переводческий прием сложной подстановки с дифференциацией значения:

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«...что их и не выдумать наяву этому же самому <i>сновидцу</i> , будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев» [58, с. 102].	„...wie sie <i>dem Träumenden</i> im wachen Zustande nie einfallen könnten, selbst wenn er ein Künstler wie Puschkin oder Turgenjew wäre“ [61, с. 54].	„...daß im wachen Zustand <i>der Träumende</i> selber sie nicht ersinnen könnte, wäre er auch ein Künstler wie Puschkin oder Turgenjew“ [62, с. 72].

В вариантах перевода на английский язык также не сохранена стилистическая окраска архаизма «сновидец»: существительное “dreamer” является в настоящий момент общеупотребительным [46]. Гендерный компонент в данном случае не выражен, поскольку использован словообразующий суффикс “-er”, не выражающий какой-либо род. Однако гендерная составляющая угадывается по личному местоимению мужского рода “he”. Переводчики также использовали в данном случае переводческий прием сложной подстановки с дифференциацией значения.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«...что их и не выдумать наяву этому же самому <i>сновидцу</i> , будь он такой	“...that even the <i>dreamer</i> himself would be unable to invent them in reality,	“...that the <i>dreamer</i> could never have invented them in his waking state, not

же художник, как Пушкин или Тургенев» [58, с. 102].	though he were as much an artist as Pushkin or Turgenev” [60, с. 36].	even if he were a Pushkin or a Turgenev” [59, с. 76].
---	---	---

Устаревшее слово «писец» (от лексемы «писарь»), нулевое окончание которого указывает на его принадлежность к мужскому роду, передано адекватно у обоих переводчиков существительным-архаизмом „der Schreiber“ [47] с сохранением стилистической окраски текста. Гендерный компонент сохранен в обоих случаях посредством использования определенного артикля „der“, а также с помощью словообразующего суффикса „-er“, который указывает на пол референта. В обоих вариантах перевода был использован прием простой альтернативной подстановки:

Оригинал «Писец оглядел его, впрочем без всякого любопытства» [58, с. 150].	Перевод С. М. Гайер „Der <i>Schreiber</i> musterte ihn, übrigens ganz ohne Neugier“ [61, с. 93].	Перевод Р. Хоффманна „Der <i>Schreiber</i> musterte ihn, übrigens ohne jegliche Neugier“ [62, с. 125].
--	---	---

В варианте перевода на английский язык Р. Пивера и Л. Волохонской стилистическая окраска слова «писец» сохраняется посредством употребления устаревшего эквивалента “scrivener” [46]. В отличие от них в перевод Н. Пастернака-Слейтера включается общеупотребительное в настоящее время существительное “clerk”. При этом в первом случае гендерный компонент не выражен ввиду использования словообразующего суффикса “-er”, не относящегося к какому-либо роду. Во втором варианте перевода гендерная составляющая также остается невыраженной. Р. Пивер и Л. Волохонская применили в своем переводе простую альтернативную подстановку, а Н. Пастернак-Слейтер – логическую синонимию.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
----------	------------------------------------	--------------------------------

« <i>Пищеу</i> оглядел его, впрочем без всякого любопытства» [58, с. 150].	“The <i>scrivener</i> looked him over, though without any curiosity” [60, с. 56].	“The <i>clerk</i> looked him over without the slightest curiosity” [59, с. 106].
--	---	--

Похожая ситуация с включением в текст перевода лексемы современного языка наблюдается в следующем примере при переводе романа на немецкий язык. Передача архаизма «письмоводитель», на мужской род которого в русском языке указывает нулевое окончание, и, обозначающего чиновника, занимающегося ведением канцелярских дел, делопроизводства [33, с. 534], более близка к оригиналу у Р. Хоффманна („*der Schriftführer*“ – устар. *письмоводитель, делопроизводитель* [47]), чем у С. М. Гайер („*der Sekretär*“ – современное обозначение делопроизводителя [47]). Гендерный компонент сохранен в обоих случаях и передается посредством словообразующих суффиксов „-er” и „-är“, а также определенного артикля „der“. Оба переводчика использовали переводческий прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал «Ступайте туда, к <i>письмоводителю...</i> » [58, с. 150]	Перевод С. М. Гайер „Gehen Sie hin zum <i>Sekretär...</i> “ [61, с. 93]	Перевод Р. Хоффманна „Gehen Sie dorthin, zum <i>Schriftführer...</i> “ [62, с. 125]
---	--	--

Перевод архаизма «письмоводитель» Р. Пивера и Л. Волохонской оказывается точнее (существительное “clerk” – человек, занимающийся учетной документацией [46]), чем в переводе Н. Пастернака-Слейтера (“head clerk” – русск. заведующий канцелярией). Также в первом случае стилистическая окраска данного архаизма сохраняется в отличие от второго примера. Гендерная составляющая остается невыраженной ни в одном из вариантов перевода ввиду использования словообразующего суффикса “-er”, не указывающего на принадлежность существительного к какому-либо роду. Р. Пивер и Л. Волохонская прибегли в своем переводе к приему простой альтернативной подстановки, а Н. Пастернак-Слейтер – к логической

СИНОНИМИИ.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Ступайте туда, к <i>письмоводителю...</i> » [58, с. 150]	“Go in there, to the <i>clerk...</i> ” [60, с. 57]	“Go through there, to the <i>head clerk...</i> ” [59, с. 106]

В произведении Ф. М. Достоевского мы находим также уменьшительно-ласкательную лексику. Например, образованное от лексемы «старуха» с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса «-онк» и окончания женского рода «-а» слово «старушонка», передано неполно с точки зрения стилистики у обоих переводчиков как „*alte Frau*“. Гендерный аспект выражен посредством использования определенного артикля „*die*“, а также введения существительного, указывающего на женский пол „*Frau*“. Оба переводчика использовали в своих переводах прием логической синонимии.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Это была крошечная, сухая <i>старушонка...</i> » [58, с. 41]	„ <i>Es war eine sehr kleine, ausgemergelte alte Frau...</i> “ [61, с. 5]	„ <i>Sie war eine sehr kleine, dürre alte Frau...</i> “ [62, с. 11]

В вариантах перевода на английский язык стилистическая окраска уменьшительно-ласкательного слова «старушонка» не сохранена ни в одном случае, т. к. использованное выражение “old crone” обозначает старую неприятную или уродливую женщину [46]. Гендерный компонент выражен здесь через значение существительного “crone”. В данном случае переводчики применили в своих переводах логическую синонимию.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Это была крошечная, сухая <i>старушонка...</i> »	“She was a tiny, dried-up <i>old crone...</i> ” [60, с. 9]	“She was a tiny, dried-up little <i>old crone...</i> ” [59, с.]

Существительное «клячонка» в словосочетании «крестьянская клячонка», образованное с помощью окончания женского рода «-а» и уменьшительно-ласкательного суффикса «-онк» от разговорного «кляча» (плохая, обычно старая лошадь [33, с. 285]), передано в немецком переводе у обоих переводчиков без сохранения гендерного компонента. Перевод С. М. Гайер „*Bauernpferd*“ (досл. «крестьянская лошадь») в отличие от перевода Р. Хоффманна посредством лексики „*Bauernpferdchen*“ с уменьшительно-ласкательным суффиксом „-chen“, не отражает стилистическую окраску существительного, представленного в оригинале произведением. Оба переводчика использовали в своих переводах прием логической синонимии.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая <i>крестьянская клячонка...</i> » [58, с. 104]	„Aber jetzt ist diesem schweren Wagen ein kleines schwaches hellbraunes <i>Bauernpferd</i> vorgespannt...“ [61, с. 55]	„Doch jetzt, und das war das Merkwürdige daran, war vor diesen riesigen Wagen ein kleines, mageres, fuchsbraunes <i>Bauernpferdchen</i> gespannt...“ [62, с. 74]

В вариантах перевода на английский язык гендерная составляющая в отличие от разговорной стилистической окраски слова остается невыраженной, поскольку устаревшее существительное “nag” обозначает старую бесполезную лошадь неопределенного рода [46] и не отражает стилистику уменьшительно-ласкательного слова «клячонка». И Р. Пивер и Л. Волохонская, и Н. Пастернак-Слейтер применили в своих переводах простую альтернативную подстановку.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Но теперь, странное	“But now, strangely, to	“But now, very strangely,

дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка...» [58, с. 104]	such a big cart a small, skinny, grayish peasant nag had been harnessed...” [60, с. 37]	the great big cart has a skinny little roan farm-nag harnessed to it...” [59, с. 77]
--	---	--

Справедливо заметить, что в данном примере гендерный компонент не играет существенной роли в тексте, т.е. грамматический род лошади никак не связан с повествованием. Поэтому на уровне текста все представленные варианты перевода могут квалифицироваться как эквивалентные.

Стоит также упомянуть о сниженной лексике в романе «Преступление и наказание». Так, например, просторечие «бабенка», на принадлежность к женскому роду которого указывает окончание «-а», обозначающее молодую бойкую женщину [33, с. 31], отражается в переводе С. М. Гайер более точно, однако стилистическая окраска данного слова остается невыраженной ни в одном случае. С. М. Гайер переводит данное просторечие как „das junge Weib“ (досл. «молодая женщина»), в то время как Р. Хоффманн – как „die Bäuerin“ (досл. «крестьянка»). Гендерный аспект выражен в обоих случаях: в первом – посредством введения существительного, обозначающего представительницу женского пола „das Weib“, во втором – посредством употребления определенного артикля „die“, указывающего на женский род, а также с помощью словообразующего суффикса „-in“. С. М. Гайер использовала в своем переводе прием экспликации, в свою очередь Р. Хоффманн применил в своем варианте перевода логическую синонимию.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Бабенка щелкает орешки и посмеивается» [58, с. 106].	„Das junge Weib knackt Nüsse und grinst“ [61, с. 57].	„Die Bäuerin knackt ihre Nüsse und lacht“ [62, с. 76].

Передача Р. Пивером и Л. Волохонской и Н. Пастернаком-Слейтером в вариантах перевода на английский язык просторечия «бабенка» также

оказалась неточной. В первом случае переводчики использовали прием экспликации посредством употребления словосочетания “peasant woman” (русск. крестьянская женщина), во втором случае Н. Пастернак-Слейтер перевел данное просторечие как “woman”, что является общеупотребительным существительным, применив при этом генерализацию. Гендерный компонент сохранен в обоих вариантах перевода посредством употребления существительного “woman”, обозначающего представительницу женского пола.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Бабенка щелкает орешки и посмеивается» [58, с. 106].	“The <i>peasant woman</i> cracks nuts and giggles” [60, с. 38].	“The <i>woman</i> carries on cracking nuts and giggling” [59, с. 78].

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что в некоторых случаях переводчики сохраняют при переводе стилистическую окраску слов и словосочетаний. Это становится возможным, если существует подобный эквивалент в немецком и английском языках. Если в языке перевода такого эквивалента нет, переводчики вынуждены прибегать к использованию таких переводческих трансформаций, как экспликация, логическая синонимия, генерализация, а также сложная подстановка с дифференциацией значения.

2.4 Гендерные обращения в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и способы их перевода на немецкий и английский языки

Многие обращения, представленные в романе Ф. М. Достоевского, являются устаревшими. Поэтому и их адекватный перевод в ряде случаев становится непростой задачей для переводчиков.

Обычно обращения в паре русского и немецкого / английского языков передаются при помощи следующих переводческих приемов:

- 1) опущение самого обращения, например, отказ от передачи „Herr“

или “Frau” в модели “Herr/Frau/Fräulein + титул/должность/профессия” в немецком языке или опущение при переводе “Miss”, “Mr.” или “Mrs.” в модели “Miss/Mr./Mrs. + фамилия” в английском языке, что в большинстве случаев не искажает функциональную структуру единиц исходного языка;

2) калькирование, т. е. замена составных частей слова (морфем) или словосочетаний их прямыми соответствиями в языке перевода [18], «использование которого обуславливается более распространенным использованием терминов родства в русском языке и передачей суффикса в обращениях *батюшка, матушка, голубчик* в значении обращений стандартной вежливости („Väterchen”, „Mütterchen”, „Täubchen” в немецком языке)», что искажает функциональную структуру единиц исходного языка [40, с. 19–20].

Так, к примеру, передача разговорного обращения «батюшка», образованного с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса «-юшк» и окончания, характерного также и для мужского рода, «-а», оказывается более близким к оригиналу у Р. Хоффмана („mein Lieber”), чем в переводе С. М. Гайер. Однако стилистическая окраска существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом сохранена только у С. М. Гайер посредством использования в переводе слова с характерным для немецкого языка уменьшительно-ласкательным суффиксом „-chen“. Гендерный аспект выражен ярче у Р. Хоффманна ввиду использования словообразующего суффикса мужского рода „-er“ в прилагательном „lieb“ и введения существительного, указывающего на мужской род „Herr“. В первом варианте перевода был использован переводческий прием калькирования, в то время как во втором варианте перевода была применена логическая синонимия.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Помню, <i>батюшка</i> , очень хорошо помню, что вы были...» [58, с.	„Ich weiß noch, <i>Väterchen</i> , ich erinnere mich gut, daß Sie hier	„Ich weiß, <i>mein Lieber</i> , ich weiß sehr gut, daß Sie hier waren...“ [62, с. 12]

42]	waren...“ [61, с. 6]	
«Пройдите, <i>батюшка</i> » [58, с. 42].	„Treten Sie nur ein, <i>Väterchen</i> “ [61, с. 6].	„Treten Sie ein, <i>lieber Herr</i> “ [62, с. 12].

Перевод обращения «батюшка» на английский язык оказался точнее у Н. Пастернака-Слейтера, поскольку существительное “mister” обозначает разговорную форму обращения к лицу мужского пола [46], в то время как слово “dearie” практически не используется по отношению к мужчине [46]. Именно поэтому гендерный компонент, а также стилистическая окраска слова выражены в большей степени в переводе Н. Пастернака-Слейтера. И Р. Пивер и Л. Волохонская, и Н. Пастернак-Слейтер использовали в своих переводах переводческий прием логической синонимии.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Помню, <i>батюшка</i> , очень хорошо помню, что вы были...» [58, с. 42]	“I remember, <i>dearie</i> , I remember very well that you were...” [60, с. 9]	“I remember you coming, <i>mister</i> , I remember very well” [59, с. 41].
«Пройдите, <i>батюшка</i> » [58, с. 42].	“Come in, <i>dearie</i> ” [60, с. 10].	“Through there, <i>mister</i> ” [59, с. 41].

Передача устаревшего почтительного обращения «милостивый государь мой» [42] в переводе на немецкий язык С. М. Гайер практически совпадает с переводом Р. Хоффманна, при этом гендерный аспект выражен в обоих случаях введением существительного „Herr“, которое обозначает представителя мужского пола. Стилистическая окраска вежливого обращения отражена только в переводе С. М. Гайер прилагательным „verehrt“ [47]. Оба переводчика применили в своих переводах логическую синонимию.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«А осмелюсь ли,	„Darf ich es wagen, <i>mein</i>	„Darf ich es wagen, <i>mein</i>

<i>милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?»</i> [58, с. 49]	<i>sehr verehrter Herr, mich an Sie mit einem anständigen Gespräch zu wenden?»</i> [61, с. 12]	<i>sehr geehrter Herr, mich mit einem anständigen Gespräch an Sie zu wenden?»</i> [62, с. 18]
---	--	---

Переводы Р. Пивера и Л. Волохонской и Н. Пастернака-Слейтера вышеуказанного обращения также схожи. Гендерный компонент в обоих вариантах выражен посредством введения существительного “sir”, обозначающего вежливое обращение к зачастую незнакомому мужчине [46]. При этом стилистическая окраска здесь отражена, т. к. выражения “dear sir” и “good sir” сейчас не употребляются и могут считаться устаревшими. Переводчики прибегли в данном случае к переводческому приему логической синонимии.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«А осмелюсь ли, <i>милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?»</i> [58, с. 49]	“May I venture, <i>my dear sir</i> , to engage you in a conversation of decency?” [60, с. 12]	“Might I make so bold, <i>my good sir</i> , to address a few decorous words to you?” [59, с. 46]

Похожий перевод мы можем найти и у С. М. Гайер, и у Р. Хоффманна в устаревшем почтительном обращении «сударь». Гендерный аспект здесь также выражен в обоих случаях введением существительного „Herr“, обозначающего представителя мужского рода. Стилистическая окраска данного вежливого обращения при этом отражена в варианте перевода С. М. Гайер с помощью прилагательного „verehrt“, принадлежащего к возвышенному стилю [47]. С. М. Гайер применила в своем переводе логическую синонимию, в свою очередь Р. Хоффманн использовал переводческий прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Пятнадцать копеек в день, <i>сударь...</i> » [58, с. 56]	„Sie verdient keine fünfzehn Kopeken im Tag, <i>verehrter Herr...</i> “ [61, с. 17]	„Keine fünfzehn Kopeken am Tag verdient sie, <i>mein Herr...</i> “ [62, с. 25]

В переводах на английский язык Р. Пивера и Л. Волохонской и Н. Пастернака-Слейтера устаревшего обращения «сударь» гендерный компонент сохранен посредством употребления вежливого обращения к лицу мужского пола “sir”. Однако стилистическая окраска слова не выражена ввиду общеупотребительного характера существительного “sir” [46], которое встречается с одинаковой степенью частотности в речи англоговорящих как в прошлом веке, так и в настоящий момент. В обоих вариантах перевода был использован переводческий прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Пятнадцать копеек в день, <i>сударь...</i> » [58, с. 56]	“Not even fifteen kopecks a day, <i>sir...</i> ” [60, с. 16]	“She cannot even make fifteen kopeks a day, <i>sir...</i> ” [59, с. 49]

Устаревшее обращение «сударыня» следующем примере передается и в переводе С. М. Гайер, и в переводе Р. Хоффманна как „Fräulein“. Гендерный аспект выражен в самом слове „Fräulein“, которое обозначает представительницу женского пола, несмотря на средний грамматический род существительного в немецком языке. Стилистическая окраска текста здесь также сохраняется, поскольку слово „Fräulein“ является устаревшим [47]. Оба переводчика использовали переводческий прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«Послушайте,	„Hören Sie, <i>Fräulein...</i> “	„Hören Sie, <i>Fräulein...</i> “

сударыня...» [58, с. 95] | [61, с. 48] | [62, с. 65]

Перевод Н. Пастернака-Слейтера устаревшего обращения «сударыня» оказывается точнее по критерию стилистической окраски текста, поскольку существительное “lady” как обращение является также устаревшим [46]. Гендерная составляющая выражена в обоих вариантах перевода с помощью существительных “miss” [46] и “lady”, обозначающих представительниц женского пола. Переводчики использовали в своих переводах прием простой альтернативной подстановки.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«Послушайте, сударыня...» [58, с. 95]	“Listen, <i>miss</i> ...” [60, с. 33]	“Listen, <i>lady</i> ...” [59, с. 71]

Гендерный аспект в переводе С. М. Гайер ироничного разговорного обращения «умник», на мужской род которого в русском языке указывает нулевое окончание, выражается в немецком языке посредством использования субстантивированного прилагательного с суффиксом „-er“ (Kluger), в то время как у Р. Хоффманна – с помощью введения существительного, указывающего на мужской род объекта („gescheiter Mann“). Стилистическая окраска существительного «умник» выражена точнее в переводе Р. Хоффманна, поскольку прилагательное „gescheit“ является разговорным [47]. Ирония сохранена в обоих вариантах перевода. С. М. Гайер использовала в своем переводе прием простой альтернативной подстановки, в то время как Р. Хоффманн применил экспликацию.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«... а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать?» [58, с. 70]	„... aber warum liegst du, <i>Kluger</i> , wie ein Sack da, warum sieht man dich nichts tun?“ [61, с. 29]	„Aber du, du <i>gescheiter Mann</i> , liegst hier wie ein Sack, und man sieht nichts von dir“ [62, с. 40].

В переводах разговорного обращения «умник» на английский язык можно

заметить различие между британским и американским английским языком. Н. Пастернак-Слейтер, являющийся наполовину британцем, переводит данное обращение эквивалентом британского английского языка “clever clogs” [46], а Р. Пивер, являющийся американцем, и Л. Волохонская, долго проживающая в США, передают данное обращение через эквивалент американского английского языка “smarty” [46]. При этом в обоих вариантах перевода разговорная стилистическая окраска существительного «умник» сохраняется, однако ироничный характер приведенного выше обращения трансформируется в неодобрительный. Р. Пивер и Л. Волохонская использовали в своем переводе переводческий прием простой альтернативной подстановки, в то время как Н. Пастернак-Слейтер применил сложную подстановку с дифференциацией значения.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«... а ты что, <i>умник</i> , лежишь как мешок, ничего от тебя не видать?» [58, с. 70]	“... and aren't you a <i>smarty</i> , lying around like a sack and no good to anybody!” [60, с. 22]	“... but what about you, <i>clever clogs</i> , lying there like a sack of potatoes, and nobody sees anything of you?” [59, с. 58]

Интересным является перевод разговорного дружественного обращения «братцы», которое в переводе Р. Хоффманна передается как „ihr Lieben“. С. М. Гайер же в этом случае прибегает к переводческому приему опущения. Справедливо заметить, что и в данном примере гендерный компонент несущественен, что допускает использование приема опущения. Ни в одном из вариантов гендерный аспект и стилистическая окраска обращения не отражены. Р. Хоффманн использовал в своем переводе прием логической синонимии.

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«А ведь савраске-то	„Die Stute ist ja	„Aber <i>ihr Lieben</i> , der

беспрерменно двадцать уж будет, <i>братцы!</i> » [58, с. 104]	лет alt!“ [61, с. 56]	mindestens zwanzig Jahre Braune hat gewiß schon seine zwanzig Jahre auf dem Buckel!“ [62, с. 74]
---	--------------------------	---

Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской обращения «братцы» точнее передает его дружественный характер, при чем в данном случае снова можно отметить выбор при переводе лексики американского национального варианта английского языка [46]. В обоих вариантах перевода разговорная стилистическая окраска текста остается выраженной, а гендерный компонент передается посредством использования существительных “brothers” и “boys”. Р. Пивер и Л. Волохонская применили в своем переводе простую альтернативную подстановку, в то время как Н. Пастернак-Слейтер использовал переводческий прием сложной подстановки с дифференциацией значения.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«А ведь савраске-то беспрерменно лет двадцать уж будет, <i>братцы!</i> » [58, с. 104]	“That gray can't be less than twenty years old, <i>brothers!</i> ” [60, с. 37]	“ <i>Boys</i> , that little roan must be all of twenty years old!” [59, с. 77]

Таким образом, рассмотренные выше примеры показывают, что при переводе художественного текста обращения могут передаваться разными способами, такими как калькирование, опущение, логическая синонимия, экспликация, простая альтернативная подстановка, сложная подстановка с дифференциацией значения. При переводе вышеупомянутых обращений могут возникнуть трудности, связанные с передачей их устаревшего характера. Тем не менее, в проанализированных отрывках переводчики успешно справились с подобными трудностями и в основном сохранили как содержание, так и стилистическую окраску текста оригинала в переводе.

2.5 Передача гендерной лексики с маскулинной или феминной окраской

Лексика, имеющая маскулинную или феминную окраску – это лексика, которая содержит характеристики, связанные с мужским или женским полом, т.е. позиции, внутренне присущие мужчине или женщине [35]. Данный тип лексики тесно связан с гендерной стереотипизацией.

Можно выделить следующие гендерные стереотипы, присущие женщинам:

- 1) женщины образны в своей речи;
- 2) женщины эмоциональны;
- 3) женщины – нежные и хрупкие и др.

К гендерным стереотипам, присущим мужчинам, традиционно относят следующее:

- 1) мужчины прямолинейны;
- 2) мужчины логичны;
- 3) мужчины грубы и резки в своей речи и др. [52, с. 19]

Большой вклад в исследование данного типа лексики внесла В. Р. Бородицкая, занимающаяся исследованиями в области теории лингвистической относительности, как уже отмечалось в теоретической части бакалаврской работы. По ее мнению, язык, на котором мы говорим, неизбежно влияет на наше мышление, формирует наше сознание. В. Р. Бородицкая приводит примеры переводов существительных «ключ» и «мост» на немецкий и испанский языки. В испанском языке слово «ключ» женского рода, а в немецком – мужского. Существительное «мост» в испанском языке мужского рода, а в немецком языке – женского. Данные расхождения в грамматической категории рода существенно влияют на мышление носителей испанского и немецкого языков. При описании существительного «ключ» испанцы будут придавать ему характеристики женского рода, например, с помощью

прилагательного «красивый», а представители немецкого языка – характеристики мужского рода, к примеру, посредством прилагательного «тяжелый». Описывая мост, испанцы будут характеризовать его, к примеру, как прочный, в свою очередь немцы будут описывать его как элегантный [6].

В романе «Преступление и наказание» также присутствует подобная лексика. К примеру, в следующем отрывке существительному «трость» автор придает женские черты (красивая), поскольку оно женского рода. В обоих вариантах переводах на немецкий язык, несмотря на мужской род слов „Stock“ и „Spazierstock“, очевидна нейтрализация феминной лексики с помощью прилагательного „hübsch“, которое может относиться к существительному как мужского, так и женского рода [47].

Оригинал	Перевод С. М. Гайер	Перевод Р. Хоффманна
«В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках» [58, с. 144].	„In den Händen trug er einen hübschen Stock, den er bei jedem Schritt aufs Trottoir stieß, und die Hände staken in neuen Handschuhen“ [61, с. 253].	„In der Hand hielt er einen hübschen Spazierstock, mit dem er bei jedem Schritt auf den Gehsteig auf stieß, und seine Hände steckten in neuen Handschuhen“ [62, с. 311].

В вариантах перевода на английский язык феминной лексики мы видимо различие: Р. Пивер и Л. Волохонская в целом передают ее феминный характер с помощью прилагательного “beautiful”, которое может относиться к абстрактным словам и представительницам женского пола, но не мужского пола [46]. Для характеристики привлекательных представителей мужского пола в английском языке существует отдельное прилагательное “handsome” [46], употребление которого мы видим в варианте перевода Н. Пастернака-Слейтера, что является не совсем верным с точки зрения передачи феминной лексики, учитывая женский грамматический род изначального существительного.

Оригинал	Перевод Р. Пивера и Л. Волохонской	Перевод Н. Пастернака-Слейтера
«В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках» [58, с. 144].	“He was carrying a beautiful cane with which he tapped the sidewalk at every step, and on his hands he wore a fresh pair of gloves” [60, с. 136]	“He carried a <i>handsome cane</i> which he tapped on the pavement at every step; his gloves were fresh and clean” [59, с. 214].

Как ранее отмечалось в теоретической части данной бакалаврской работы, существует мнение, что переводы могут делиться на мужские и женские в зависимости от принадлежности того или иного переводчика к мужскому или женскому полу. Однако на примере ранее проведенного сопоставительного анализа переводов на немецкий и английский языки представителями мужского и женского пола мы приходим к выводу, что зачастую переводчики обоих полов прибегают к одним и тем же переводческим приемам, на основе чего можно предположить, что при переводе художественных текстов нейтральной тематики невозможно выделить отдельно понятия «мужской перевод» и «женский перевод».

Проведя сопоставительный анализ вариантов перевода романа «Преступление и наказание» на немецкий и английский языки, мы приходим к выводу, что в немецком языке ярко выражен гендерный аспект, поскольку существуют разнообразные лексические способы его передачи, что подтверждается ранее рассмотренными примерами. Можно утверждать, что данная особенность немецкого языка отражается и в общественной жизни Германии. К примеру, на территории Германии действует федеральный закон об обеспечении равенства между мужчинами и женщинами (нем. *das Landesgleichstellungsgesetz*). Данным законом был введен словообразующий суффикс женского рода „-in“, в результате чего отмечается значительное

улучшение положения женщин в обществе. Также в настоящее время передача гендерного компонента в переводах на английский язык становится все важнее, учитывая возрастающие феминистские движения в англоязычных странах. Так, в настоящее время все чаще используются словообразующие суффиксы и основы сложных слов, указывающие на женский род, например, “-ess”, “-woman”, “-lady” и т. д. Поэтому при переводе текстов на немецкий и английский языки переводчик должен обращать особое внимание на гендерный компонент для соблюдения конвенциональных норм перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель бакалаврской работы заключалась в выявлении способов передачи гендерного фактора в переводе художественных текстов на базе сопоставительного анализа романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и его переводов на немецкий язык С. М. Гайер „Verbrechen und Strafe“ и Р. Хоффманна „Schuld und Sühne“, а также переводов на английский язык Р. Пивера и Л. Волохонской “Crime and punishment” и Н. Пастернака-Слейтера “Crime and punishment” с учетом лингвокультурного фактора.

В ходе нашего исследования мы установили, что в переводах романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского присутствуют, согласно классификации И. В. Денисовой, такие гендерно маркированные единицы, как местоимения, формирующие гендер в языке, и при этом не несущие на себе гендерной маркировки, лексика с маскулинной или феминной окраской, количество которой незначительно, а также слова и словосочетания, включающие в себя единицы с гендерным компонентом, указывающим на пол референта. Перевод первой группы гендерно маркированных единиц с русского языка на немецкий и английский языки не представляет особой трудности, т. к. подобная лексика не содержит лингвокультурный компонент. Вторая группа гендерно маркированных единиц представляет собой определенный интерес для теории перевода ввиду подбора подходящего варианта передачи в тексте в каждом отдельном случае, например, ввиду различия грамматического рода тех или иных слов в парах языков русский-немецкий и русский-английский. И наконец, третья группа гендерно маркированной лексики может представлять сложность при переводе с русского языка на немецкий и английский языки в связи с отсутствием эквивалентов тех или иных лексем русского языка в немецком и английском языках.

Стоит также отметить тот факт, что передача гендерно маркированных единиц с присущими им стилистическими особенностями требует особого

внимания переводчика в случае отсутствия таких эквивалентов в немецком и английском языках. Подобные трудности появляются при передаче архаизмов, разговорной лексики, обращений на язык перевода в случае, если данные лексемы, как стало очевидно из рассмотренных в практической части примеров, являются реалиями языка оригинала и отсутствуют в языке перевода. Поскольку стилистическая окраска того или иного слова ограничивает возможность и сферу его употребления, такие лексемы имеют дополнительную информацию экспрессивного или функционального характера, которую, зачастую, бывает трудно отразить при переводе. Для точной передачи подобной гендерно маркированной лексики переводчики применяют такие переводческие трансформации, как экспликация, логическая синонимия, генерализация и сложная подстановка с дифференциацией значения.

Классификация гендерно маркированных единиц И. В. Денисовой, а также классификации других ученых в сфере гендерных исследований, например, И. В. Зыковой позволяют говорить о значительном качественном развитии данной области знаний. По нашему мнению, гендерные исследования представляют принципиально важное направление в науке, в частности, в переводоведении, поскольку они позволяют взглянуть на перевод многих лексических единиц того или иного языка совершенно с другой, не столь традиционной точки зрения, а значит, и найти новые эффективные решения для достижения адекватного перевода произведений художественной литературы, в которых особую значимость имеет лингвокультурный компонент.

Проведенное нами исследование открывает возможности для дальнейшего развития гендерной лингвистики в области теории перевода, для ее пополнения и совершенствования, что является действительно актуальным в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аксющенко М. А. Словообразование как способ репрезентации гендера (на материале английского и русского языков) / М. А. Аксющенко, К. А. Власова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во НГУ, 2015. – № 1. – С. 239-244.
2. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Издательство «Союз», 2001 . – 288 с.
3. Алексашина М. В. Социологический анализ гендерной асимметрии в языке / М. В. Алексашина. – Самара : Самарский государственный университет, 2008. – 83 с.
4. Балакина Л. В. Проявление гендерного фактора в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Балакина. – Орел, 2005. – 303 с.
5. Бородицки В. Р. Как язык формирует мышление [Электронный ресурс] / В. Р. Бородицки. – Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/5662-izuchenie-yazyka-pomozhet-ponyat-cto-delaet-nas-lyudmi-psikholog-lera-boroditski-o-tom-kak-yazyk-formiruet-myshlenie>. – Загл. с экрана.
6. Быстрые решения не приводят к успеху. Пойми, что хочет твой мозг, и сделай наоборот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://domknig.com/read_240820-28. – Загл. с экрана.
7. Гимбатус М. Цивилизация Великой Богини : мир Древней Европы / М. Гимбатус [пер. с англ. М. С. Неклюдовой]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 570 с.
8. Гипотеза лингвистической относительности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гипотеза_лингвистической_относительности. – Загл. с экрана.
9. Головачева Е. А. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в немецкой рецепции (период до Второй Мировой войны) [Электронный ресурс] / Е. А. Головачева // Молодой ученый. – 2016. – № 14. –

С. 650-654. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/118/32572/>. – Загл. с экрана.

10. Городникова М. Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования / М. Д. Городникова // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 47-52.

11. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>. – Загл. с экрана.

12. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Гриценко. – Н. Новг., 2005. – 405 с.

13. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : перевод с немецкого языка / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

14. Гурко Е. Тексты деконструкции. Differance / Е. Гурко, Ж. Деррида. – Томск : Водолей, 1999. – 160 с.

15. Денисова И. В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Денисова. – Челябинск, 2011. – 20 с.

16. Дутова Н. В. Применение комплексного метода в гендерном исследовании соотношения невербальных средств с речью / Н. В. Дутова // 1St International Scientific Conference «Science progress in European countries : new concepts and modern solutions». – Stuttgart, 2013. – С. 122–124.

17. Есенова Т. С. Андроцентризм гендерных стереотипов (на примере паремии) / Т. С. Есенова // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 2 (34). – С. 86–92.

18. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов : Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.

19. Занковец О. В. Гендерные различия при переводе художественных текстов / О. В. Занковец // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур. – 2012. – С. 10–16.

20. Захарова У. С. Языковая репрезентация гендерных смыслов культурного измерения «Маскулинность / Фемининность» в русской и английской фразеологии [Электронный ресурс] / У. С. Захарова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14639>. – Загл. с экрана.

21. Зиновьева Е. С. Роль гендерно-маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных гляцевых журналов (на материале английского и русского языков) / Е. С. Зиновьева // Universum : Филология и искусствоведение. – 2017. – № 12 (46). – С. 28–36.

22. Картушина Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Картушина. – Ижевск, 2003. – 175 с.

23. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М., 1999. – 155 с.

24. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) / А. В. Кирилина // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 138-143.

25. Кирилина А. В. Гендер и язык / А. В. Кирилина. – М., 2005. – 624 с.

26. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова (Книга о романе Достоевского «Преступление и наказание») / В. Я. Кирпотин. – 4-е изд. – М. : Художественная литература, 1986. – 414 с.

27. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

28. Куликова Ю. С. Гендерная специфика переводов (на материале женских романов) / Ю. С. Куликова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). – С. 84–87.

29. Латышев Л. К. Перевод : проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М., 1988. – 159 с.

30. Мойсова О. Б. Гендерные особенности интерпретации художественного текста в сравнительно-сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Мойсова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 145 с.
31. На пиру Богов мировой классики : о Божьем даре Светланы Гайер, и ее тяге к бессмертию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jarki.ru/wpress/2010/05/22/1143/>. – Загл. с экрана.
32. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.
33. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – М. : Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.
34. Переводчики – почтовые лошади просвещения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rd-autoren.de/277-viktor-horn-interwju-perewodtschiki-potschtowyje-loschadi.html>. – Загл. с экрана.
35. Петренко Л. А. Концепты маскулинности и феминности как предпосылки возникновения зависимости и насилия в гендерных отношениях [Электронный ресурс] / Л. А. Петренко // Молодой ученый. – 2015. – № 2. – С. 435–438. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/82/15097/>. – Загл. с экрана.
36. Радчук О. А. Гендерный аспект в переводе / О. А. Радчук // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 3. – С. 94–96.
37. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике / Д. Э. Розенталь. – М. : ИК «Комплект», 1997. – 368 с.
38. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1976. – 399 с.
39. Слепович В. С. Курс перевода / В. С. Слепович. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 243 с.
40. Тарасов В. М. Особенности перевода обращений : на материале немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / В. М. Тарасов. – М., 2011. – 208 с.
41. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. :

Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.) – 1050 с.

42. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – 674 с.

43. Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.

44. Что такое стилистически окрашенные слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fb.ru/article/160468/что-такое-stilisticheski-okrashennyye-slova-stilisticheskaya-okraska>. – Загл. с экрана.

45. Шевченко З. В. Словник гендерних термінів / З. В. Шевченко. – Черкаси : видавець Чабаненко Ю., 2016. – 336 с.

46. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Загл. с экрана.

47. Duden. Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/>. – Загл. с экрана.

48. Geschlechtergerechte Sprache : Empfehlungen der Gleichstellungsbeauftragten der Universität zu Köln. – 2009. – 24 S.

49. Godard B. Theorizing Feminist Discourse : Translation in Bassnett, S. & Lefevere, A. (eds) Translation, History, Culture, London: Pinter Publishers / B. Godard. – 1990. – PP. 87–95.

50. Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com/ngrams>. – Загл. с экрана.

51. Lakoff R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. – Harper and Row, 1975. – 328 p.

52. Maltz. A cultural approach to male-female miscommunication. In : John J. Gumperz (ed.), Language and social identity / N. Daniel, Maltz, Ruth A. Borker. – Cambridge: Cambridge U. Press, PP. 196–216.

53. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/concubine>. – Загл. с

экрана.

54. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache / L. Pusch. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – 274 S.

55. Redkozubova E. A. Male vs. Female : Gender in Modern English Slang / E. A. Redkozubova. – 2015. – No 6. – PP. 10–23.

56. Tromel-Plotz S. Frausprache, Sprache der Veränderung / S. Tromel-Plotz. – Frankfurt am Main : Taschenb. Verlag, 1995. – 355 S.

57. Translating Crime and Punishment : a conversation with Michael Katz and Nicolas Pasternak Slater, part 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bloggerskaramazov.com/2018/03/14/katz-pasternakslater-1/>. – Загл. с экрана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ

58. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : Наука, 1970. – 830 с.

59. Dostoevsky F. M. Crime and punishment (translated by N. Pasternak Slater) / F. M. Dostoevsky. – OUP Oxford, 2017. – 544 p.

60. Dostoevsky F. M. Crime and punishment (translated by R. Pevear and L. Volokhonsky) / F. M. Dostoevsky. – New York : Alfred A. Knopf, 1992. – 564 p.

61. Dostojewski F. M. Verbrechen und Strafe (übersetzt von S. Geier) / F. M. Dostojewski. – Fischer Taschenbuch Vlg., 1960. – 310 S.

62. Dostojewskij F. M. Schuld und Sühne (übersetzt von R. Hoffmann) / F. M. Dostojewskij. – Deutscher Taschenbuch Vlg., 1994. – 736 S.

ОТЗЫВ

на бакалаврскую работу

«Особенности реализации гендерного фактора при художественном переводе с русского языка» студентки Молчановой Анны Игоревны, обучающейся по направлению подготовки 45.03.02 лингвистика

Бакалаврская работа Молчановой А. И. посвящена актуальной для переводоведения теме отражения гендерного фактора при переводе художественных произведений. В теоретической части работы дается подробный обзор гендерных исследований как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении с комментариями автора, выделяются ключевые положения для анализа практических примеров в работе. Отдельный раздел теоретической части посвящен понятию гендерно маркированных единиц и их сопоставлению в русском, немецком и английском языках, что составляет научную новизну бакалаврской работы. Практическим материалом исследования послужил роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводы на немецкий и английский языки. Большой объем проанализированных примеров позволяет судить об объективности полученных результатов.

Данная бакалаврская работа имеет логичную структуру, каждый раздел сопровождается обоснованными выводами автора, имеющими теоретическую и практическую ценность. Список использованных источников содержит теоретические труды не только русских, но и зарубежных лингвистов, что является несомненным достоинством работы. Результаты исследования отражены в 4 статьях, что свидетельствует о хорошем уровне теоретической и практической подготовки студентки. Привлечение к анализу переводов сразу на два языка стало возможным благодаря владению А. И. Молчановой не только немецким, но и английским языками на высоком уровне.

Бакалаврская работа Молчановой А. И. «Особенности реализации гендерного фактора при художественном переводе с русского языка» полностью отвечает требованиям, предъявляемым к сочинениям подобного рода, и может быть допущена к защите.

Научный руководитель
к. ф. н., доцент кафедры
теории речи и перевода

Чертоусова С. В.

ОТЧЕТ

о результатах проверки работы обучающегося
на наличие заимствований

Ф.И.О. автора работы _____ Молчанова Анна Игоревна _____

Тема работы «Особенности реализации гендерного фактора при
художественном переводе с русского языка» _____

Руководитель _____ доцент кафедры теории речи и перевода, к. ф. н.,
С. В. Чертоусова _____

Представленная работа прошла проверку на наличие заимствований в системе
«Антиплагиат.ВУЗ»

Результаты автоматической проверки: оригинальность 72,67%
цитирования 19,36%
заимствования 7,97%

Результаты анализа полного отчета на наличие заимствований:

правомерные заимствования: да, 7,97 %, наличие заимствований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

корректные цитирования: да, 19,36 %, наличие цитирований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

неправомерные заимствования: нет
да/нет, количество (%), обоснованность

признаки обхода системы: нет
(да/нет, описание)

Общее заключение об итоговой оригинальности работы и возможности ее
допуска к защите:

Анализ полного отчета о проверке ВКР обучающегося на наличие заимствований
свидетельствует о том, что показатель оригинальности текста выше требуемого согласно
Положению о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на
наличие заимствований, утвержденному ученым советом университета (протокол №4 от
23.04.2018 г.), поэтому студент может быть допущен к предварительной защите и защите
ВКР в ГЭК.

Руководитель
к.ф.н., доцент каф. теории речи
и перевода

С. В. Чертоусова
«2» июня 2020 г.